А. Шейнин

ИДУ НА ПОМОЩЬ

А. Шейнин

ИДУ НА ПОМОЩЬ

Рассказы о милиции

НИЖНЕ-ВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Волгоград 1966

Зеленый прутик

I

Стояла середина апреля ранней и пыльной весны. Даже сквозь задернутые шторы пробивалось полуденное солнце, и в комнате было душно.

Киреев привстал, сунул докуренную папиросу в круглую пепельницу, но не возвратился на место, а остался у окна.

— Ну, у меня, кажется, все, — весело проговорил он. — Особых претензий нет... Так и доложу начальству.

— Спасибо на добром слове, — благодарно ответил Захар Владимирович. Он сидел за столом, плотный, в годах, с беленькими завитушками по краям загоревшей лысины. Словно оправдываясь, добавил: — Тихий у нас район... Даже проверяют нас редко... За последние два года — вы первый.

Киреев рассмеялся:

— Можно подумать, что вы об этом жалеете.

На морщинистом с потускневшими глазами лице Лукина появилась грустная улыбка:

— Мне что... Я уже в прошлом... Все жду, когда попросят освободить место... На пенсию ухожу, — и, видимо, желая переменить неприятную для него тему разговора, поинтересовался: — Вы когда собираетесь в обратный путь?

— Можно хоть сегодня... Не знаю только, во сколько идет поезд.

— Скорый не останавливается... А пассажирский на Волгоград — поздно ночью.

— Тогда успею... С билетами у вас не трудно?

— Ну это пустяки... Жинке звоню... Сегодня обедаете у меня.

— Спасибо.

Лукин еще не успел снять трубку, как в дверь кто-то постучал.

— Да, входите! — крикнул Захар Владимирович.

В кабинет вошел узкогрудый молодой человек в темном костюме, сидевшем на нем мешковато.

— Здравствуйте, — застенчиво поздоровался он. — Я насчет Поповой... Счетовода школы... Помните?

— Конечно, помню, товарищ Дудин... Но пока нового ничего сообщить не могу.

Тот помялся на месте, поднял голову. В светлых глазах затаилась грусть.

— Вы знаете?.. Может быть, это слишком смело с моей стороны, но я уверен, что ее не найдут.

Лукин поморщился, как от зубной боли. В голосе его появились злые нотки.

— Это почему?

— Потому, что она не похищала денег... Не могла...

Захар Владимирович оживился:

— Вам стало известно что-нибудь новое?.. Да вы присаживайтесь.

— Спасибо, — выцветшие брови молодого человека упрямо сошлись. Ответил он почти дерзко: — Просто я не верю, что она могла похитить деньги и сбежать.

Лукин поднялся. Теперь он уже не казался таким высоким, как за столом. Ноги были короткими, над ними нависло брюшко.

— Это, конечно, похвально, что вы верите в своего работника. Но, товарищ Дудин, факты, к сожалению, против нее.

Киреева заинтересовал весь этот диалог, он деликатно предложил:

— Захар Владимирович, может быть, мы немного задержимся?

— Да, конечно, — охотно ответил Лукин. — Это директор сельской школы.

Павел Семенович протянул Дудину руку, официально представился:

— Старший следователь областного управления охраны общественного порядка Киреев.

— Дудин, — коротко назвал себя тот.

Рука у директора школы была худая и потная.

Лукин опустился на место:

— Мы завели дело о похищении семиста рублей счетоводом школы хутора Серково Поповой.

Молодой человек почти взмолился:

— Не могла она этого сделать... Не могла... Это такая девушка...

— Товарищ Дудин, — перебил Лукин, — но ведь ее видели на вокзале незадолго до прихода московского поезда, как раз в день, когда она исчезла. Мы все тщательно расследовали.

— Это ужасно...

На его лице было столько страдания, что Кирееву стало жалко:

— Вы хорошо знали Попову?

Дудин оживился:

— Валю? Конечно. Два года, после окончания института я работаю в школе. А в деревне все на виду. У Вали было трудное детство, она сирота, выросла в детдоме... И это такой человек... Спросите у любого. Душевная, отзывчивая... О ней никто худого слова не скажет.

— А вы знаете, мы слышали о ней и другое.

—Это вранье.

— Товарищ Дудин, директор школы должен уметь себя вести.

— Простите.

Вмешался Киреев:

— Допустим, что вы правы. Тогда куда же она могла деться?

— Не знаю...

Лукин устало вздохнул, терпеливо сказал:

— Если бы с ней что-нибудь случилось, мы бы знали. Меры по ее розыску приняты... Подождем... Человек не иголка, найдется.

Дудин поднялся. Не прощаясь, пошел к двери. Упрямо бросил:

— Не брала Валентина денег. Не могла она их взять, — и вышел.

Лукин закурил.

— Конечно, тяжело, когда узнаешь, что ошибся в человеке. Особенно, если...

— Что «если»? — переспросил Киреев.

— Влюблен в человека.

— Да, мне тоже показалось, что он к ней неравнодушен.

— Молоды оба... На здоровье... Но брать под защиту, когда факты налицо...

— А вы говорили — тихий район.

Лукин вытер лицо платком.

— Павел Семенович, честное слово, не по злому умыслу я не рассказал вам об этом происшествии. Дело настолько ясное, что не хотел вас утруждать... Девчонка... глупая... Польстилась на деньги... Боюсь, что не без участия Лешки Золотозуба.

— Кто такой?

— Есть тут у нас. В депо работает.

— Это фамилия «Золотозуб»?

— Нет, прозвище... А фамилия — Воротов. Год как из заключения вернулся.

— За что сидел?

— В пьяном виде пырнул дружка ножом.

— С Поповой был знаком?

— В том-то и дело, что на танцевальной площадке их не раз видели. Я при Дудине не хотел говорить. За Лешкой установили наблюдение.

— Захар Владимирович, не обессудьте, но мне хотелось бы познакомиться с делом.

— А может, сначала пообедаем?

— Рано еще... Да и жарко. Ведь окрошки у вас нет?

Лукин рассмеялся:

— Чего нет, того нет. Но свежую рыбу жинка купила!

— Вы, наверное, есть хотите?.. Прошу вас, не стесняйтесь... Идите... А я посижу.

— Да какой теперь из меня едок!

С этими словами Лукин вышел из кабинета. Киреев прошелся по комнате, встал у окна. Солнце зашло за дом, стало чуть-чуть прохладней. Деревья распустились, стояли нарядные. Изредка, сердито урча, по булыжной мостовой пробегали машины. Две девочки в коричневых платьицах чинно шли по тротуару.

Киреев достал из кармана папиросу, но не закурил. Задумчиво подошел к столу, положил коробку.

Наверное, он сам бы себе не сумел ответить, почему вдруг его заинтересовала эта история. Лукин — опыт-

ный работник и скоропалительных выводов не сделает. Убежденность молодого педагога? Но недаром говорят: любовь зла, полюбишь и козла. Скорее всего, не хотелось уезжать, не проверив даже малых сомнений.

Возвратился Захар Владимирович. Молча протянул серую папку.

Облокотившись на стол, Киреев принялся ее листать. Все оказалось правильным. Материал расследования убедительно подтверждал, что в субботу, 17 марта, счетовод сельской школы, получив в банке деньги для выплаты зарплаты учителям, скрылась с ними.

В дверь постучались, и сразу же в комнату вошел рослый круглолицый сержант.

— Товарищ капитан! Явился по вашему вызову!

— Проходи... Павел Семенович, товарищ Кутьков занимался делом Поповой.

— Очень хорошо... Здравствуйте... Товарищ Кутьков, вы установили, когда Попова получила деньги в банке?

— Так точно. Перед самым закрытием, примерно около трех часов дня.

— Что она делала потом?

— Зашла на квартиру к своей школьной подруге Нине Назаровой, машинистке райисполкома. А с наступлением темноты поспешила домой.

— Пешком?

Ответил Лукин:

— Да тут недалеко, километров пять, не больше... Продолжайте.

— Гражданка Назарова показала, что она уговаривала Попову заночевать у нее, но та отказалась. Сказала, что еще сегодня раздаст учителям деньги. Но это был предлог. Она ждала поезда... Прошу обратить внимание: провожала Попову молодежь, хотели до самого хутора, но Попова не разрешила. Простилась сразу за околицей, откуда дорога ведет на вокзал.

— Кто ее провожал?

— Кроме Назаровой, еще двое парней.

— Золотозуб был среди них?

— Нет.

— Кто эти парни?

— Анатолий Блохин — работник селекционной станции и Василий Кудрявцев — инспектор собеса.

— Вы с ними беседовали?

— Так точно... Рассказывают, что дорогой шутили. Правда, Попова была задумчивой, даже грустной.

— Они это заметили? — живо спросил Киреев.

— Все трое, в один голос утверждают. Обычно веселая, а тут словно не в своей тарелке. А главное — друзья уж очень хотели ее проводитъ, а она — ни в какую.

Сержант докладывал спокойно, уверенно, и это понравилось Павлу Семеновичу. Он попросил его продолжать.

— Дорога за райцентром раздваивается. Одна ведет на хутор, другая на станцию. В Серково Попова, как известно, не возвратилась. Я побывал на вокзале. Дежурный, товарищ Оглодин, дал важные показания. Оказывается, он Попову хорошо знает, ее покойная мать приходилась ему двоюродной сестрой. И он решительно утверждает, что в субботу, 17 марта, как раз дежурил и видел девушку на перроне, перед самым приходом поезда.

— Он с ней разговаривал?

— Только поздоровался на ходу, спешил встретить поезд.

— Когда приходит поезд?

— В 18 часов 50 минут. Стоит десять минут... А простилась Попова с друзьями в 18 часов 12 минут.

— Откуда вы знаете?

— Из заявления Назаровой. Та запомнила время, потому что, когда стали прощаться, она взглянула на часы и даже еще сказала: «Куда ты торопишься, Валентина? Ведь время-то детское!»

— За сколько минут можно дойти до станции от развилки?

— Самое большое минут за пятнадцать.

— Значит, к поезду она успевала.

— В том-то и дело, товарищ майор.

— Скажите, товарищ Кутьков, а с кассиршей вокзала вы побеседовали? Уезжает от вас не так уж много. Возможно, она запомнила девушку, когда та брала билет?

Сержант смутился. Огорченно ответил:

— Упущение, товарищ майор... Не говорил я с кассиршей.

Молчавший до сих пор Лукин укоризненно покачал головой.

— Как же ты так, Кутьков, опростоволосился?

— Виноват! Не пришло в голову.

Киреев дружелюбно рассмеялся.

— Это бывает, товарищ Кутьков... После беседы с дежурным вы решили, что доказательств больше чем достаточно и можно объявить розыск...

Ни один мускул не дрогнул на добродушном лице Кутькова. Он стоял подтянутый, прямо глядя перед собой.

Эта выдержка пришлась по душе старшему следователю. Доверительно сказал:

— Так ведь, товарищ Кутьков?

— Так, — четко ответил тот.

— А жаль. Показания дежурившей в тот день кассирши, ой, как бы пригодились нам сейчас.

— Разрешите съездить на станцию, разыскать кассиршу и побеседовать с ней.

— Съездить-то можно, да боюсь, что поздно, — задумчиво проговорил Киреев. — Ведь почти месяц прошел. Теперь навряд ли она вспомнит.

— А все-таки поезжай, — приказал Лукин. — Если она Попову знала, — вспомнит.

Молодой сержант вышел.

— Зелен еще, — вздохнул Захар Владимирович, — прошлой осенью демобилизовался... Павел Семенович, честно, что вас смущает?

Киреев ответил не сразу. Он взял стул, подсел к столу.

— Непонятное поведение Поповой... Если она решила бежать, зачем понадобились ей эти проводы?

— По-моему, вы сами ответили. Проводы, — подчеркнул Лукин последнее слово, — хотелось проститься с друзьями.

— О, когда неискушенный человек решится на такое, он так себя вести не будет. Ему стыдно будет в глаза посмотреть товарищу, ему будет все время казаться, что окружающие догадываются о его намерениях, и постарается как можно скорее скрыться с глаз... А она заходит к подруге домой, девушки встречаются с ребятами, вместе доходят до развилки дорог... А те только и заметили, что она была смущена, чуть даже

подавлена. Согласитесь, что все это довольно странно и не совсем убедительно.

— Пожалуй, вы правы, — медленно проговорил Лукин. По всему чувствовалось, что нелегко далось ему это признание. Он поднялся на своих коротышках, широкими морщинистыми ладонями оперся о стол. — Что вы предлагаете?

— Раз у нас возникло сомнение, надо допроверить.

На лице Лукина появилась гримаса. Но он сдержался:

— Раз надо, так надо.

— Думаю, что это займет совсем немного времени, — делая вид, что ничего не заметил, сказал Киреев. — Вы не возражаете, если я приму участие?

— Что вы, Павел Семенович, будем очень рады... А теперь все, пошли. А то будет мне дома на орехи.

II

Беседа с кассиршей вокзала ничего не дала. Кутьков с огорчением доложил об этом.

— Не знает она Попову, — повторил он несколько раз. — И кто брал 17 марта билеты — не помнит.

— А как по-вашему, товарищ Кутьков, могла Попова похитить деньги и скрыться с ними?

— Кто его знает, — уклончиво ответил сержант. — Всякое бывает.

— В принципе это, конечно, верно. Но нам нужно решить в данном конкретном случае. Вот что, давайте-ка с вами съездим на хутор. А там видно будет.

Серково оказалось живописной деревушкой с добротными домами и двухэтажным зданием школы.

Весь день они провели здесь, встретились с преподавателями школы, знакомыми и друзьями Поповой, и никто из них не хотел усомниться в честности молодого счетовода.

Биография Вали была простой. Выйдя из детдома, она по путевке райкома комсомола поехала на годичные курсы счетоводов, а после окончания их вот уже три года, до самого дня загадочного исчезновения, аккуратно вела несложные счетные дела школы.

Жила она у одинокой пожилой колхозницы, Анны Степановны, которая искренне привязалась к девушке.

— Да вы что! — возмущалась женщина. — Чтобы Валентина позарилась на чужое? Такое в жисть не может быть!

Анне Степановне было за пятьдесят. Лицо сухое, обветренное, глаза колючие, неприветливые. Говорила она быстро, энергично, поддерживая свои слова жестами. О таких обычно говорят, что они кроют правду-матку в глаза.

Предложив гостям стулья, сама хозяйка осталась на ногах. В небольшой горнице с низким потолком пахло сушеными травами. Две тщательно убранные кровати с ворохом подушек возвышались по обе стороны комнаты. Чисто побеленные стены над кроватями увешаны плохонькими семейными фотографиями в стеклянных рамках, портретами известных киноартистов.

Нетрудно было догадаться, на какой кровати спала квартирантка.

— Скажите, Анна Степановна, Валя вам ничего не говорила о намерении уехать? — спросил Киреев.

— Да чего она поедет?.. Куда? — зло ответила женщина.

— И никаких вещей с собой не взяла?

— Ничего. Даже лишнего носового платка... Меня уж этот допытывал, — кивнула она на Кутькова.

С Игорем Платоновичем Дудиным они встретились в учительской, где на длинном столе со следами неотмытых чернильных пятен стояли глобусы различной величины.

Уроки кончились, и в здании царила непривычная тишина. Дудин нервничал, то и дело тянулся к пачке «Беломора».

— Я скажу только то, что говорил раньше: не могла Валентина похитить деньги.

— Вы хорошо знали девушку?

— Полагаю, что да, — он сощурил близорукие глаза. — Она была очень искренней и очень душевной.

— Была?

— У меня такое предчувствие, что с ней случилось страшное...

— Предчувствие или вы что-то конкретное имеете в виду?

Он помялся, потом сказал:

— За Валей ухаживали... многие... Нет, нет, не думайте, это не по ее легкомыслию... Просто она была красивой, очень красивой. Ну и, понятно, на нее обращали внимание.

Чувствовалось, что ему было трудно об этом говорить. Рука его машинально потянулась за папиросой. Киреев подвинул ему свою пачку.

Спасибо... «Казбек» не могу. Привык к «Беломору»... Как-то на танцах в райцентре, а у Вали была к ним слабость, она познакомилась с парнем. Его Лешкой зовут. И он буквально стал преследовать девушку.

— Она вам сама говорила об этом?

— Да. Мы с ней... как бы вам сказать... Ну, дружили, что ли... Несколько раз он приходил на хутор. Ужасно неприятный тип, наглый, самоуверенный. Валя даже стала прятаться от него. Говорит, он уже однажды сидел. Вероятно, мне следовало вмешаться. Но я... я... посчитал неудобным.

— Почему?

— Потому что... я ее сам любил.

Воцарилась пауза. Ее нарушил Киреев:

— Простите за нескромность, но можно узнать, как Попова относилась к вам?

Дудин оживился:

— Хорошо. Она мне доверяла. В школе считали, что мы поженимся. Но до этого было далеко.

— Почему?

— Валентина говорила, что она мне не пара. Понимаете, разница в образовании, положении... Но дело не в этом.

— А в чем?

— Мне кажется, что ей нравился другой. Она никогда мне об этом не говорила, но я догадывался.

— Вы знаете его?

— Видел раза два. Он работает на селекционной станции.

— Вы говорите о Блохине?

— Да.

Чувствуя, что молодому человеку неприятен этот разговор, Киреев спросил о другом:

— Ну, а вы не вспомните, что делали в тот вечер, когда Попова исчезла?

— Хорошо помню. Это была суббота... Неделя выдалась тяжелой, заболела учительница математики, и я ее заменял. Захотелось отдохнуть, после уроков я отправился на охоту.

— Когда вы возвратились домой?

— На следующее утро.

— Неужели ночевали в лесу? Ведь холодно было, март.

— Когда стало совсем темно, я направился в райцентр. Там у меня товарищ, вместе институт кончили. У него и заночевал... По дороге я услышал крик... жуткий... Я замер, прислушался, но он больше не повторился.

— Вот как! Кто кричал? Мужчина или женщина?

— Не знаю, какой-то истошный вопль. Вы слышали, как кричат сычи?

— Да...

— Не скажу, что я из трусливых, но меня обуял страх.

— Может быть, действительно кричала птица?

— Я тоже тогда так подумал. Но сейчас мне кажется, что нет. Возможно, в темноте я не увидел бы ее. Но шум крыльев услышал бы...

— Место, где это произошло, вы запомнили?

— Отлично. Если идти от нас, недалеко от развилки дорог, одна из которых ведет на вокзал, есть молодой лесок... Вы, когда ехали сюда, наверное, обратили внимание?

— Да, — подтвердил Киреев.

— Оттуда донесся крик...

Поздно вечером возвратились в райцентр. А на следующий день встречи продолжались. Киреев побеседовал с молодыми людьми, провожавшими Попову, с дежурным по станции, видевшим девушку в тот злополучный вечер на вокзале.

Их твердая убежденность в честности школьного счетовода невольно передалась и ему.

Но если Попова не удрала с деньгами, куда же она девалась? А главное — зачем она приходила на вокзал?

На этот вопрос он не мог ответить. Но если до-

пустить, что Валентина не уехала, естественно, она должна была возвратиться в Серково. Этого, однако, тоже не произошло. Значит, с ней что-то приключилось по дороге между райцентром и деревней. Крик, если верить Дудину, донесся из леса... Вот туда Киреев с Кутьковым и решили отправиться.

Парень ему определенно нравился. Он был немногословен — отличное качество для оперативного работника, — держался скромно и производил впечатление серьезного человека.

Ранним солнечным утром они не торопясь шли по хорошо накатанной дороге. Дома поселка остались позади. Вот и развилка. Слева вдали виднелись пристанционные здания, водонапорная башня, справа, за вспаханной степью, молодо зеленел лесок. Направились туда.

Жара еще не наступила, и дышалось всей грудью. Откуда-то из-за леса доносился веселый рокот моторов.

Киреев шагал легко. Он был в штатском, в рубашке без галстука. Светлые волнистые волосы надежно скрывали первые седые пряди. Лицо поджарое, с глубоко сидящими карими глазами и небольшим, чуть курносым носом выглядело на редкость симпатичным. Что-то задорное, мальчишеское было в нем. А спокойные, неторопливые движения, умение внимательно смотреть и слушать делали Киреева похожим скорее на солидного научного работника, просидевшего всю жизнь за книгами, чем на человека, избравшего неспокойную и опасную профессию.

Судьба не баловала Киреева. Лишившись отца (он погиб на фронте), Киреев ушел из школы в ремесленное училище, а в шестнадцать лет уже работал на заводе, помогая матери содержать семью. Когда подросли младшие сестренки, Павел Семенович снова взялся за учебу, успешно окончил юридический институт. И тогда его направили в Сталинград на работу в органы милиции.

Было это в 1952 году. С тех пор Киреев искренне полюбил свою неугомонную специальность, сколько раз она приносила ему настоящее удовлетворение, когда удавалось раскрыть сложное и запутанное дело.

Как-то само собой случилось, что они разговорились с Кутьковым именно на эту тему. Молодой сержант

очень сдержанно рассказывал о своей работе, честно признался, что в милицию пришел потому, что не имел специальности и после демобилизации из армии не знал, чем заняться.

Киреев холодно посоветовал:

— Если работа не пришлась по душе, лучше уходите.

— А вам нравится?

— Да, — просто ответил Киреев. — Вот иногда с огорчением думаю, что когда уйду на пенсию, чем я тогда буду жить?

— До пенсии вам далеко.

— Как сказать... Сколько, вы полагаете, мне лет?

— Тридцать... Ну тридцать два.

Павел Семенович рассмеялся.

— Скоро сорок. А время летит удивительно быстро. Не успеешь оглянуться, как окажешься в таком же положении, как ваш начальник отдела Лукин.

— Он хороший человек.

— И работник отличный. Но мысль о пенсии его гнетет.

Так, разговаривая, они свернули с дороги и зашли в лесок. Лесок был молод и наряден. Тонконогие березки росли негусто, между ними зеленела трава, дальше ворохами поднимались прошлогодние листья.

Остановились на опушке. Кутьков ожидал указаний. Киреев думал.

— Вот что, — наконец сказал он, — разобьем лес на квадраты и шаг за шагом обследуем каждый. Внимательно смотрите под ноги, обращайте внимание буквально на все.

Поделив участки, они разошлись. Киреев подобрал сухую ветку, заострил конец ее и медленно продвигался вперед, вороша листья и не оставляя без внимания ни один клочок земли.

Солнце поднялось уже высоко и жарко светило, когда до него донесся голос Кутькова.

— Товарищ майор!

Киреев находился метрах в ста от него, в самой чаще, где деревья были повыше и росли довольно густо.

Поспешил на зов:

— Что случилось?

— Да вот поглядите, — передал сержант длинный

металлический прутик зеленого цвета. — Нашел в траве.

— Что это?

— Не знаю, товарищ майор.

Киреев взял в руки странный предмет.

— Ого, какой тяжелый! — сказал он.

— Стальной, — подсказал Кутьков.

Павел Семенович задумчиво осмотрел его со всех сторон. На круглой поверхности прутика краска в нескольких местах поблекла. Оба конца были заострены, серебристо блестели.

Внезапно его внимание привлекли небольшие темные пятна. Достал из кармана пиджака увеличительное стекло и, как часовщик, приложил к одному глазу. Несколько секунд молча разглядывал. Потом уверенно проговорил:

— Кровь...

Кутьков вздрогнул.

— Чья? — испуганно спросил он.

— Вот этого я не знаю. Может быть, и животного. Отправим прутик на экспертизу.

— По-моему, это самодельный шомпол, — предположил сержант.

— Возможно, — согласился Киреев.

По старой, сложившейся годами привычке сначала собирать все «до кучи», а потом уже сортировать факты, Павел Семенович не торопился с выводами. Возможно, находка не имеет никакого отношения к тому, что их интересует. Но, на всякий случай, заостренный кончик прутика тщательно завернул в носовой платок.

— Ну а теперь продолжим поиски, — предложил он.

Они еще не успели разойтись, как Павел Семенович увидел в траве что-то белое. Он нагнулся, поднял. Окурок. Кутьков поднял еще два. Они лежали на небольшом расстоянии друг от друга. На потемневших, сморщившихся от дождей мундштуках с изжеванными кончиками майор прочел название папирос: «Беломор». Окурки он положил в карман.

Поиски продолжались долго. Но больше ничего интересного найти не удалось.

— Пора и честь знать, — наконец проговорил Киреев.

Уставшие, голодные, они возвратились в городок. Расставаясь со спутником, Киреев сказал:

— Достаньте лопату, завтра продолжим поиски.

Лукина он застал в кабинете. Сообщил о находках. Рассказ встревожил Захара Владимировича, он озабоченно спросил:

— Ну, что вы думаете?

— На всякий случай, покопаем в лесочке.

— Странно... Ведь Кутьков там все осмотрел.

— А прутик и окурки не заметил... Он ведь ничего не искал, просто прошелся по лесу для очистки совести.

— А возможно, этих окурков и не было там в то время?

— Возможно.

— Экспертиза покажет... Помощь вам нужна? Может быть, Кутькова заменить?

— Пока не стоит. Парень и так переживает.

За ночь Кутьков и на самом деле осунулся, видимо, плохо спал. По дороге в лес он ждал упреков. Но Киреев ему ничего не сказал.

Поиски начали в том месте, где нашли окурок. Постукивая лопатой о землю, медленно продвигались вперед. Так прошли метров десять. И тут, при очередном ударе, острие лопаты легко вошло в почву. Павел Семенович остановился, внимательно посмотрел вокруг. Серые жухлые прошлогодние листья, шуршавшие, как пергаментная бумага, довольно толстым слоем покрыли небольшое пространство между разветвленными кустами. Деревья стояли в стороне, и казалось удивительным, что ветер так старательно собрал листья в одном месте и аккуратно их рассыпал.

— Попробуем покопать здесь, — предложил майор.

— Разрешите мне, — попросил Кутьков.

— Ничего, начну я. А устану, вы меня смените.

Проговорил он это дружелюбно.

Скинув пиджак, Павел Семенович принялся за работу. Земля легко поддавалась, словно была уже раньше перекопана.

Внезапно Кутьков испуганно вскрикнул. В образовавшемся углублении он увидел ногу, обутую в дамский резиновый ботик...

Киреев остановился. Взгляд его стал жестким.

— Быстро за судебным экспертом, — приказал он. — И кроме Лукина, никому ни единого слова.

Сержант побежал. Киреев осторожно стал откапывать труп. Тут же в яме находилась кожаная сумочка овальной формы. В ней оказались комсомольский билет на имя Поповой, две пачки папирос «Беломор». Денег не было.

Вскоре с дороги донесся гул мотора. Милицейский газик свернул с шоссе и, медленно пробираясь между деревьями, добрался до лужайки, где находился Киреев. Из машины выскочили Лукин и Кутьков, а потом осторожно сошел сухонький человек с бородкой. Труп девушки подняли из ямы, и врач склонился над ним. Все молча стояли рядом.

Минут через десять старичок поднялся с колен и, стряхивая землю с пальто, сказал:

—Убийство. Тяжелая рана нанесена металлическим предметом в верхнюю часть затылка.

— Понятно, доктор, — ответил Киреев. И, уже обращаясь ко всем, добавил: — Пока никто не должен знать о случившемся. Возможно, преступник или преступники не уехали, как бы их не спугнуть.

Начальник милиции сурово подтвердил приказание. Вид у Лукина был виноватый. Он предложил Кирееву место в машине рядом с шофером, но тот сказал, что предпочитает отправиться пешком. Начальник милиции, отдав нужные распоряжения сержанту, пошел вместе с Павлом Семеновичем.

Когда они покинули рощу и вышли на укатанный грейдер, Захар Владимирович, словно отвечая своим мыслям, сказал:

— Убийство с целью грабежа.

— Возможно, — нехотя ответил Киреев.

— Сукин сын Кутьков, такое дело прошляпил... Я с него три шкуры спущу. «Уехала, скрылась в неизвестном направлении», — передразнивая молодого работника, с нескрываемой злостью продолжал он. — Вот тебе и уехала... Но с себя вины не снимаю, — торопливо закончил он.

Старший следователь почувствовал себя неловко, словно сам был виноват в случившемся. Но утешать не стал, просто заговорил о главном:

— Захар Владимирович, Золотозуб мог знать о деньгах?

— Вполне, — но тут же его взяло сомнение: — Мы наблюдаем за парнем... Ну, шебутной, но так... работает хорошо, в депо им довольны, в вечернюю школу ходит... Неужели польстился на деньги?

— Есть тогда и другая причина.

— Какая?

— Нравилась ему Попова. Он и в хутор из-за нее несколько раз ходил. А она предпочла другого.

— Директора школы?

— Нет, Блохина... Из селекционной станции.

— Из-за ревности?... На Золотозуба похоже. Такие, как он, не умеют сдерживать себя... Зайдем к секретарю райкома партии, доложим о случившемся. А потом — в отдел, договоримся об оперативной группе.

Киреев кивком головы согласился с Лукиным.

III

Поздно вечером Киреев сидел на деревянном крыльце небольшого одноэтажного флигеля, стоявшего в глубине двора. Хозяева его, куда Павел Семенович со дня приезда определился на квартиру, приветливые, одинокие старики, уже спали. Он вышел на воздух после того, как несколько часов провел за альбомом рисования — неизменной принадлежностью всех его скитаний.

К рисованию Киреев пристрастился еще в школе и очень гордился высокими отметками по этому предмету.

С годами страсть не прошла, стала необходимостью. Когда он рисовал, ему лучше думалось. И в альбоме появились березовая роща, место, где найден был труп Поповой, длинный, похожий на шомпол прутик.

Теперь теплая безветренная ночь окружила Киреева. В глубине невидимого небосвода сонно светили звезды Улицы райцентра притихли. Только изредка по ним, тарахтя в темноте, пробегали грузовики, да на железнодорожной станции, светившейся огнями, время от времени раздавались паровозные гудки, грохотали на стыках рельсов товарные составы.

Не выпуская изо рта папиросы, Киреев продолжал размышлять о случившемся, пытаясь старательно про-

анализировать все, что ему удалось узнать за это время. Да, Кутьков безусловно виноват. Своим неверным выводом он помог преступнику. Ведь тогда, месяц назад, когда Попова исчезла, по свежим следам его было бы куда легче обнаружить. Вот к чему приводит оплошность, поспешное мнение. Возможно, убийца давно уехал... Ведь случается так — подозревают одного, а виновным оказывается совсем другой. А может быть, притаился здесь, надеясь, что спрятал концы в воду? Кто станет копать в лесу? Могли бы пройти многие годы, пока случайно не обнаружили труп. Значит, преступник уверен в своей безнаказанности... Кто он?

Вполне возможно, что это дело рук Золотозуба. Лопоухий, с неровными зубами, нарядно поблескивая золотом коронок, он криво ухмылялся, вел себя на беседе с Киреевым вызывающе.

— Ну, начальник, зачем вызывал? — нагловато спросил парень, развалившись на предложенном стуле.

— Просто хотел узнать, как живется вам.

— Спасибо за внимание, — издевательски проговорил Золотозуб. — В жмурки станете играть или сразу скажете, зачем понадобился?

Тогда Киреев спросил в упор:

— Валентину Попову знаете?

Парень вздрогнул. На плоском лице его появились пятна:

— А вам какое дело?

— Послушайте, Воротов, будем, как призывают в магазинах, взаимно вежливыми... Вы верите, что она украла деньги и с ними сбежала?

— Нет.

Воротов как-то сразу подтянулся. Теперь он сидел на стуле в напряженной позе.

— Тогда, где она?

— Уехала. Из-за этого... их директора. Втюрился он в нее по уши.

— Так внезапно, не отдав зарплаты учителям?

Воротов ничего не ответил.

Киреев поинтересовался:

— Когда вы видели Попову последний раз?

Этот вопрос неожиданно вызвал бурную реакцию. Воротов вскочил, подбежал к столу, испуганно уставился на Киреева раскосыми глазенками:

— С ней что-нибудь случилось?.. Да?.. Говорите!

— А почему вы решили, что с девушкой что-то случилось?

— Пошли вы, знаете куда?.. Что я — маленький, не вижу... Говорите! Я за нее горло перегрызу!.. Если кто пальцем посмеет тронуть!

— Успокойтесь! Садитесь! — приказал Киреев.

Воротов послушно опустился на стул.

— Не знаю, случилось с Поповой что-нибудь или нет, — схитрил Киреев, — но мы должны ее найти, — и словно невзначай добавил: — Живой или мертвой...

Пытливый взгляд скользнул по лицу парня. Но тот никак не отреагировал на последние слова. Тогда Киреев продолжал:

— Вы сами сказали, что за Попову горло перегрызете... Тогда помогите. И прежде всего расскажите все, что знаете о Поповой.

Сейчас, в тишине, анализируя весь разговор с Золотозубом, он никак не мог решить для себя, виноват тот или нет. Легче всего, конечно, ответить, что да: изза ревности или из-за денег, но Воротов способен на убийство. И в то же время было в поведении парня такое, что заставляло сомневаться.

Но если не он, тогда кто же? Дудин? То, что тот сам настаивал на поисках и высказал уверенность, что девушка не сбежала с деньгами, ничего не доказывает. Маскировка, тонкий ход, рассчитанный на простачков... Безвольные люди, а он производил впечатление слабохарактерного, скорее способны на преступление, чем сильные натуры.

Почему именно в эту ночь, когда Валентина исчезла, ему понадобилось отправиться на охоту, да еще одному? А эти окурки «Беломора», найденные на месте убийства. Не встретил ли Дудин девушку по дороге, когда та возвращалась из райцентра? Произошло объяснение, возможно, ссора. Валентина сказала, что любит другого. И тогда...

Ревность — страшное чувство, оно иногда приводит людей в исступление... Но вспомнил бы он в эту минуту о том, что в сумочке находятся семьсот рублей? Вряд ли. А когда возвратился, чтобы скрыть следы преступления? Все равно не тронул бы, до денег ли ему было? Так мог поступить лишь закоренелый убийца,

для которого смерть человека ничего не значит. А молодой педагог совсем на такого не походил.

Да и как мог оказаться в его руках зеленый прутик? С какой целью он взял его с собой? Разве вместо шомпола?

Потом мысли Киреева приняли другое направление. Захотелось ясно себе представить, как все произошло. Возможно, события развивались так.

Преступник встретил девушку по дороге, затащил ее в рощу, там убил и ограбил. Он мог даже знать, что она получила деньги в банке, и следил за ней.

Но если это был кто-нибудь из уголовников, он бы просто вырвал сумку с деньгами и скрылся.

Только отпетый бандит пойдет на убийство, не зная, какая сумма находится в сумочке.

Но из-за денег ли совершено преступление? Почему вынуты деньги, а не взята целиком сумка? Чтобы меньше улик было? Или по другой причине? Какой?

А убийство произошло действительно на дороге? Ведь если директор школы не врет, до него донесся вопль из леса. Причем, как он уверяет, крик больше не повторился. Как же в лесу оказалась девушка? Кто ее силой затащил туда?

Да, было над чем поломать голову. И чем больше Киреев думал обо всем этом, тем дело казалось ему все запутаннее и непонятнее.

Это была тайна, и, чтобы разгадать ее, требовалось настоящее творчество, взлет фантазии, мучительные поиски правды, строгие логические рассуждения. Подобно писателю, который, прежде чем очертить характеры героев своего будущего произведения, нарисовать ту или иную картину, должен себе мысленно все представить, Павел Семенович упорно размышлял над тем, как могло произойти преступление в действительности и кто его совершил.

Но куда бы его фантазия ни увлекала, какие бы предположения он ни делал, при строгом анализе все рассыпалось, как карточный домик.

Во всем этом сложном и запутанном деле имелась только одна улика: металлический зеленый прутик. По данным экспертизы установили группу крови на нем. Павел Семенович даже знал, откуда этот прутик. Но как найти того, кто им воспользовался?

IV

Нина Назарова, школьная подруга Поповой, оказалась крашеной блондинкой с высоким бюстом.

Первый же ответ ее на вопрос Киреева, куда исчезла Валентина, ошеломил следователя.

— Уехала, — уверенно ответила девушка.

— Уехала? — машинально повторил Павел Семенович. — Почему вы так думаете?

— Она поссорилась с Анатолием.

— Блохиным?

— Да. И ей было тяжело... Она его очень любит. Они должны были в мае пожениться.

— Попова вам не рассказала о причинах ссоры?

— Нет... Только плакала и несколько раз повторила, что с радостью куда-нибудь уехала бы.

— Когда это было?

— Вот как раз в тот самый день, когда мы ее проводили.

— Можно вас попросить рассказать подробнее? Вы считаете, что она могла его совершить?

— Пожалуйста... Я пришла с работы, Валентина была у меня. Я сразу заметила, что с ней что-то не так. Она упорно молчала. Но я догадалась. «Ты поссорилась с Анатолием?» — спросила я. Она утвердительно кивнула головой и добавила: «Хуже».

— Что хуже? — спросил Киреев.

— Валя не объяснила. Только заплакала и сказала, что с радостью куда-нибудь уехала бы... Потом пришли ребята — Анатолий и Василий, и она заторопилась домой.

— Кто это — Василий?

Назарова смутилась:

— Ну... мой хороший знакомый... Мы с ним дружим.

— А с Блохиным вы не говорили?

— Несколько раз... Он ужасно переживает и сам не может понять, что случилось. Повздорили из-за пустяка. Валя гордая и очень обидчивая... Странно только, что она мне ничего не пишет.

— Значит, вы допускаете, что Попова уехала с зарплатой для учителей? Но ведь это преступление.

— Деньги Валентина не брала.

— Как это не брала? Но ведь она получила их в банке.

— Ну и что? Кому-нибудь передала их... Может быть, даже своему директору Дудину.

— Но когда бы успела? Ведь ее видели на перроне вокзала вскоре после того как вы расстались...

— А вы спросите директора, где он был в этот вечер.

— Вы знаете?

— Когда я с Василием возвращалась из клуба, мы встретили его и, по-моему, немного подвыпившим.

Эта новая версия заставила Киреева заново все передумать. Вот почему сумочка Поповой оказалась пустой. Она сама отдала деньги.

На листке бумаги Киреев записал для себя вопросы.

Отдала ли Попова деньги?

Кому?

Зачем она заходила на вокзал?

Как девушка оказалась в лесу?

Что делал вечером 17 марта Золотозуб? Не был ли он на вокзале?

Если, как утверждает Назарова, размолвка между влюбленными произошла из-за пустяка, чем объяснить подавленное состояние Поповой? Почему она хотела уехать? Ходил ли действительно Дудин на охоту?

Долго просидел Павел Семенович за исписанным листком. Кто-то сказал, что один дурак может задать столько вопросов, что на них не сумеют ответить десять умных... Киреев с горечью подумал об этом. Ответы не приходили. И тогда его мысли снова возвратились к зеленому прутику — единственному козырю в его руках.

Он вызвал Кутькова. Молодой человек здорово осунулся за несколько дней. Киреев усадил его напротив себя:

— Вы что, голодовку объявили? — Тот грустно улыбнулся. — Вот что, сержант, мне все время казалось, что у вас есть характер... Переживать и анализировать свои ошибки мы будем потом.

— Извините, товарищ майор, но я прошу отстранить меня от этого дела.

— Почему?

— Я решил подать рапорт об отчислении меня из органов охраны общественного порядка.

— Ах, вот оно что. Рапорт, значит, подаете. Отлично. — И после паузы добавил: — Не думал, что вы трус. Да, трус. Сами запутали следствие и бежите. Пусть другие расхлебывают. Тогда говорить мне с вами не о чем. Идите!

Сержант поднялся, с опущенной головой направился к выходу. Но у самых дверей затоптался на месте.

— Виноват я, — срывающимся голосом проговорил Кутьков. — Очень виноват... Но, честное слово, я не хотел...

— Еще бы. Сделай вы это нарочно, вас просто отдали бы под суд. — И уже теплее Киреев позвал: — Идите-ка сюда.

Сержант подошел.

— Допустили оплошность. По молодости, по неопытности, это еще объяснить можно. Но сразу в кусты... Честное слово, я думал о вас лучше.

— Неспособный я...

— Понимаю... Приехали, работы другой не нашли, пошли в милицию... Думали — и хлебно, и работа не пыльная. А оказалось — ни то и ни другое, и решили дать стрекача. Так ведь?

Парень промолчал.

— Вот что, товарищ Кутьков, совет: порвите рапорт. Я почему-то верю, что из вас выйдет оперативный работник. А у меня нюх хороший... Трудно? Да. Думаете, у меня почти за двадцать лет работы было мало промахов и ошибок? И неприятностей, и огорчений... Но ни на какую другую специальность я свою не променяю. Поверьте, говорю не для красного словца... Убили человека, молодого, хорошего, у которого вся жизнь была впереди... Разве можно такое простить! — Киреев, сам того не желая, разволновался. Нервно закурил. — В молодости я полагал, что преступность исчезнет сама по себе. А потом понял: без борьбы — никогда. Вы коммунист?

— Да.

— Вот что, товарищ Кутьков, вы прикреплены к моей группе. Будем продолжать работу. И не станем больше возвращаться к этому разговору, — Павел Семенович как ни в чем не бывало заговорил о деле: — Сегодня же отправляйтесь на хутор. Запомните, что нужно сделать. Первое. Тщательно просмотрите все ве-

щи Поповой. Если есть письма, записки — заберите с собой. Понятно?

Сержант кивнул головой.

— Второе. Узнайте, кто на хуторе охотники. И очень осторожно, деликатно у них расспросите о Дудине, о его охотничьих способностях.

— Слушаюсь.

— И третье, самое сложное. Надо найти предлог, чтоб побывать на квартире у Дудина. Запомните все, что стоит в его комнате, особенно обратите внимание, на чем он спит. Если возвратитесь поздно, заходите ко мне домой... А теперь скажите, где у вас находится универмаг?

— Недалеко отсюда, на базарной площади.

— Схожу туда.

Это прозвучало так неожиданно, что Кутьков спросил:

— Зачем?

— Погляжу, чем у вас торгуют, — и, хитро подмигнув, добавил: — Есть одна мысль... Хочу проверить.

V

В районном универмаге, расположенном на базарной площади, Киреев надолго задержался в мебельном отделе, внимательно осматривая столы, цветастые диваны, плетеные стулья. У молоденькой продавщицы с пушистыми косичками Павел Семенович поинтересовался:

— А кроватей у вас нет?

— Сейчас нет.

— Жаль, а я как раз жениться решил.

Девушка улыбнулась:

— Раньше зашли бы. Еще неделю назад у нас были отличные никелированные кровати, но теперь их уже все распродали.

— Вот как? Действительно неудачно получилось. Он огорченно вздохнул.

Время приближалось к обеду, и покупателей было немного. Киреев отошел в сторону и подождал, пока из отдела уйдут последние. Потом возвратился к продавщице.

— Извините, что я вас опять беспокою... Я из милиции... Очень нужна ваша помощь.

Фарфоровый лобик девушки сморщился. Озабоченно сказала:

— А в чем... помощь?

— Уверен, что вы многих своих покупателей в лицо знаете. Возможно, вспомните тех из них, кто купил кровати.

Она назвала нескольких, рассказала, где они живут.

Киреев поблагодарил и отправился по названным адресам.

Везде он просил об одном и том же: показать старую кровать, которую готов купить.

Со стороны могло показаться, что Киреев занимается пустым делом и зря теряет время. Увы, Павел Семенович и сам так решил, потому что результат обхода оказался самым плачевным. Того, на что он надеялся, не произошло, нить, за которую он ухватился, никуда его не привела. Но сдаваться и признавать себя побежденным было не в правилах Киреева. После обеда он снова возвратился в магазин.

— Может быть, еще кого-нибудь вспомните, кто у вас купил кровать, — попросил Павел Семенович продавщицу.

Девушка задумалась:

— Да, вот кто еще... Совсем забыла... Тетя Маша. Ольховская ее фамилия. Она живет за пожаркой, третий дом от угла. Там спросите...

— Спасибо.

...Встретила Павла Семеновича крупная молодящаяся женщина. На вопрос, не найдется ли для продажи старой кровати, бойко затараторила:

— Кровать, говорите? Можно продать. Все равно она у меня без дела лежит в сарае. Раньше на ней квартирант спал, да койка больно узкая, он себе новую купил.

— Посмотреть можно?

— А как же... Пойдемте, покажу.

Женщина направилась к сараю, сняла с дверей засов. Киреев внимательно осмотрел складную односпальную железную койку.

— Немного узка.

— А я вам сказала.

— Если лучше ничего не найду, возьму вашу. Много за нее хотите?

— Чего там о цене говорить, сколько дадите и на том спасибо. А вы чей сами-то будете? Что-то не припомню.

— Я недавно приехал. Вот бы мне такую хорошую квартирную хозяйку.

— Рада бы, да уж постоялец живет. Может, знаете? — И она подробно стала рассказывать о квартиранте.

Расстались они, как лучшие друзья.

От Ольховской он направился на селекционную станцию, где работал Блохин. Это был счастливый соперник Дудина. Не может быть, чтобы Попова ничего не рассказывала любимому человеку о своем директоре.

Анатолия Петровича Блохина он застал в кабинете одного. Это был молодой, лет под тридцать, спортивного вида мужчина, с широкими плечами, мускулистым телом и выразительным лицом. Киреев про себя решил, что будь он на месте Валентины, вероятно, так же, как и она, отдал бы предпочтение пусть старшему по возрасту, но сложившемуся человеку со скромными приятными манерами. Сейчас шея Блохина была старательно перевязана, говорил он с трудом. Киреев представился, а потом спросил:

— Что с вами?

— Да вот ездил по колхозам, простудился.

— Что же вы дома не сидите?

— Нельзя, сейчас у нас самая горячая пора.

— Вы уж извините, я вас ненадолго оторву от дела.

— Пожалуйста.

— Простите за нескромный вопрос, но это очень важно.

— Я слушаю вас.

— Скажите, вы любили Валентину?

Анатолий Петрович вздохнул:

— Можете поверить... Впервые в жизни... По-настоящему.

— Вы раньше не были женаты?

Тот покраснел:

— Нет.

— Вы давно работаете здесь?

— Второй год.

— А до этого?

— На Украине... Во Львовской области.

— Можно узнать причину вашего переезда?

— Да, конечно... Я работал в совхозе агрономом отделения, но это меня не очень устраивало. Мечталось о научной деятельности... В Москве, на Всесоюзной выставке сельского хозяйства я познакомился с директором селекционной станции Афанасием Федоровичем, и он меня уговорил.

— Извините, что возвращаюсь к вашим отношениям с Валентиной. Из-за чего вы с ней поссорились?

— Я бы не назвал это ссорой... Так, пустяки, — он улыбнулся. — Недаром говорят: влюбленные ссорятся — только тешатся. Она еще девчонка.. А мне уже тридцать второй пошел... И бегать на танцевальную площадку не совсем удобно, да и желания нет.

— А она любила танцевать?

— Очень.

— Скажите, вы допускаете мысль, что Валентина сбежала с деньгами?

— Нет... Но, чем больше я думаю об этом, мне начинает казаться, что она уехала... На время...

— Вот как?

— Видите ли, дело тут щекотливое... Я не хотел говорить, потому что это касается другого человека... Но теперь, я думаю, скрывать нечего... Ее любит директор школы. И Валентине его было искренне жалко. Она сама мучилась оттого, что видела, как переживает человек... Из-за этого она и нашу свадьбу все время откладывала. А потом на время решила уехать.

— Да, это интересное обстоятельство. Но она с вами посоветовалась бы или потом написала?

— Был у нас однажды разговор. Валентина уговаривала меня уехать. Вместе, конечно... А может быть, с ней что-нибудь по дороге случилось?

Киреев решил сказать правду. Тихо проговорил:

— Ее зверски убили.

— Убили?

— Да.

— Убили... — Он схватился за голову. — Как это ужасно. Ей было всего двадцать лет. Неужели из-за денег?

— Вот этого я не знаю.

— Вы должны найти убийцу, слышите, должны...

— Не волнуйтесь. Я думаю, что я его знаю.

— Знаете?

Он поднялся из-за стола, но тут же опустился на место.

— Убили...

Чувствовалось, что Блохин с трудом сдерживает слезы. Киреев поднялся:

— Еще один вопрос, и я уйду.

— Спрашивайте.

— Вы с Дудиным лично встречались?

— Нет.

— Ну, а по словам Поповой, хороший он человек?

— Я обижался, когда она мне о нем говорила.

— Ревновали?

— Нет, я верил ей... Но все-таки...

— Да, когда любишь, о другом не хочется думать. Но как вам кажется, мог Дудин из-за ревности убить?

— Дудин? Вы думаете, что это он... Какой негодяй...

— Это только предположение, поэтому прошу пока ничего никому не говорить...

Блохин кивнул головой.

— Вы простите, мне трудно сейчас разговаривать. Разрешите побыть одному.

— Я понимаю.

Не прощаясь, Киреев вышел из комнаты. Но вместо того чтобы уйти, он зашел к директору селекционной станции, с которым познакомился раньше.

— У Блохина большое несчастье, — поздоровавшись, сказал он. — Отпустите его домой.

— Что случилось?

— Зайдите к нему, он сам вам все расскажет. Только не говорите, что я за него просил, не люблю благодарностей.

После этого он поспешил в милицию.

Лукин обрадовался его приходу. События, видимо, встряхнули его. Захар Владимирович стал энергичнее и словно забыл, что собирается на пенсию.

— Что делать с трупом? — спросил он, когда они поздоровались.

— Хоронить надо.

— Тогда все узнают.

— Теперь это уже не имеет значения. Видимо, надо посоветоваться в райкоме, когда хоронить.

— Хорошо... Кстати, первый секретарь просил вас зайти, как только станет что-нибудь известно.

— Я готов...

После короткого телефонного разговора Захар Владимирович сообщил:

— Андрей Алексеевич ждет нас к концу рабочего дня.

— Отлично... — Киреев взглянул на часы. — Значит, в нашем распоряжении еще час. Можно точно узнать, сколько пассажирских поездов и в какое время проходят здесь.

— Я и так вам скажу. Всего два. Один в сторону Москвы в 18 часов 50 минут, тот, на котором, мы полагали, уехала Попова, другой в сторону Волгограда отходит в 22 часа 32 минуты.

Павел Семенович задумался.

— Хорошо... Тогда еще одна просьба: вызвать двух оперативных работников и заготовить ордер на арест.

— На чью фамилию? — живо спросил Лукин.

Киреев назвал.

— Не может быть! — ужаснулся Захар Владимирович. — Ведь это...

— Да, — твердо ответил майор.

Беседа с работниками милиции была краткой. Киреев проинструктировал их и потребовал, чтобы на выполнение задания они явились в штатском.

— Ну а теперь, — сказал он начальнику отдела, — зайдем в прокуратуру за ордером на арест, а оттуда — в райком.

И они вышли на улицу.

VI

На квартире Киреева ожидал Кутьков. Павел Семенович встретил его приветливо:

— О Дудине не докладывайте, все ясно. У Поповой обнаружили что-нибудь интересное?

— Вот только записка.

Киреев прочел:

«Умоляю ничего не предпринимать, пока мы не

встретимся. Нам нужно об очень многом поговорить. Я понял, что ты права, и решил сделать это сам. В субботу жду тебя. Только ради бога не торопись. Все будет хорошо. Крепко, крепко целую».

Сержант сокрушенно сказал:

— Вот только подписи нет.

— Ну, это пустяки. Идите отдыхайте, а в 20.00 жду вас у себя.

Дальнейшие события произошли, как принято говорить, с головокружительной быстротой. Поздно вечером, к моменту прибытия пассажирского поезда, Павел Семенович отправился на вокзал.

Чувствовалось приближение майских праздников. Уже далеко виден был в ночной темноте светящийся лозунг над зданием райисполкома: «Слава Коммунистической партии Советского Союза!» Гирлянды разноцветных лампочек украсили пожарку. На перроне было оживленно. Веселыми стайками прогуливалась молодежь. Из-за пристанционного садика Павел Семенович внимательно наблюдал за освещенной платформой.

Среди ожидавших поезд он заметил оперативного работника в штатском, с чемоданчиком в руках. Но того, кого майор надеялся встретить, нигде не было видно.

С грохотом подкатил состав. Засуетились пассажиры, затем снова ударили звонки, и поезд умчался в чернеющую даль. А тот, кого ожидал Киреев, так и не появился.

Тогда он подошел к одетому в штатское работнику милиции.

— Идемте, — на ходу сказал ему Киреев.

Они быстро, не разговаривая, пошли по улице. Вот и знакомый дом. Павел Семенович внимательно посмотрел по сторонам. Улица была пуста.

— Ждите меня здесь и из дому никого не выпускайте, — приказал Киреев, а сам, откинув задвижку калитки, прошел во двор.

На его продолжительный стук в дверь ответил встревоженный женский голос:

— Кто там?

— Откройте, свои.

Когда дверь открыли, Киреев спросил:

— Квартирант дома?

— Нет.
— А он приходил?
— С работы раньше явился, говорит, в командировку едет до конца посевной. А вещи, считай, почти все собрал, я даже удивилась. Хотел поездом ехать, а тут явился мужчина, они вдвоем и ушли.
— Какой мужчина?
— А кто его знает, первый раз в глаза увидела.
Киреев прошел в комнату. Его немного успокаивало то обстоятельство, что Кутькову было поручено неослабно следить за квартирой и, видимо, он и последовал за ними. Но кто этот неожиданно появившийся мужчина?
В комнате царил беспорядок, как при поспешном бегстве.
Павел Семенович предъявил свой документ.
— Прошу здесь ничего не трогать.
Хозяйка испуганно спросила:
— А что случилось?
Вместо ответа он сам попросил женщину вспомнить, что делал ее жилец в тот вечер, когда исчезла Попова.
— Кстати, она к вам не заходила?
— Тогда нет. Он сам ушел из дому, но, помню, рано возвратился. Я даже удивилась: «Чего это вы сегодня?...» — «Валя не захотела, чтоб я ее проводил».
— Он всегда вам об этом сообщал?
— Нет. Он, как бы это сказать, дюже молчаливый.
— Почему же тогда сообщил?
— Не ведаю.
— Ну а когда возвратился, что делал?
— Радио послушал и тут же пошел спать.
— Поздно это было?
— Да нет... Я еще посидела, а потом легла. Знаете, вдовье дело, не сразу уснешь. Мне почудилось, что у него в комнате что-то стукнуло, вроде окошко раскрылось. Я его окликнула, а он, видимо, умаялся, сразу заснул, потому ничего не ответил.
— Это очень важно, вы это хорошо помните?
— Как же. Я даже вставала, думала — воры.
— А квартирант был в постели?
— Этого не скажу. Поглядела на окошко, оно, вроде, закрыто, ну и пошла.
— В спинке вашей кровати, которую вы хотели мне

продать, недостает одного прутика. Его давно отломили?

— Шатался он давно, а когда отломился, точно не скажу. Квартирант сказал, что он его выбросил.

— Ну, спасибо.

Киреев направился к выходу. Теперь ему стало ясно, как произошло убийство. Провожая девушку, Блохин вдруг вроде бы спохватился, что ему надо срочно побывать у себя на квартире. Валю попросил пока сходить на вокзал купить папирос. Дома, создав для хозяйки иллюзию того, что лег спать, и, таким образом, на всякий случай обеспечив себе алиби, преступник, вооружившись прутиком, тайком вылез в окно и пошел на перекресток, где договорились встретиться с девушкой.

С ожидавшим его на улице человеком Павел Семенович направился в отделение милиции. Дежурный сообщил, что Кутьков не приходил.

Киреев молча ходил по кабинету, не зная, что предпринять. Сбежать преступник не мог. Или Кутьков опять прошляпил?.. В нем нарастала ярость.

Наконец сержант явился. Киреев накинулся на него:

— Где преступник?

— Сейчас... — Он с трудом отдышался, видимо, бежал всю дорогу. — Я, как вы приказали, установил наблюдение за домом. Чтоб не очень бросалось в глаза, другого отослал. Вскоре туда прошел пожилой мужчина, видимо, приезжий, потому что он нес с собой небольшой чемоданчик.

— Дальше.

— Когда стемнело, они вышли вдвоем. Я последовал за ними. Думал, что, как вы говорили, направятся на вокзал, но они свернули на шоссейную дорогу. Тут я заметил, что не я один за ними наблюдаю...

— А кто еще?

— Погодите... Только они остановили проезжавший грузовик и незнакомый мужчина стал разговаривать с шофером, из темноты вышли двое. Они усадили их в кузов машины и велели шоферу поворачивать обратно.

— А вы почему стояли?

— Это наши товарищи из государственной безопасности.

— Вот как...

— Ну, я понял, что мне делать нечего, и вот явился.

Дело приняло несколько неожиданный оборот.

На следующее утро вместе с Лукиным Киреев отправился в комитет государственной безопасности. Принял их черноглазый, похожий на грузина подполковник. В кабинете был еще молодой человек в сером костюме. Он окликнул Павла Семеновича.

— Привет... И вы, оказывается, здесь.

Киреев обрадовался встрече с волгоградским знакомым. Рассказал, что привело его сюда.

Подполковник вскочил:

— Это точно, что комсомолку Попову убил Блохин?

— Да, — твердо ответил следователь. — Я могу это доказать.

— Мотивы убийства?

— Пока только предположения. В вещах убитой найдена записка от Блохина. Там есть строчки, которые наводят на размышления. Блохин умоляет девушку ничего не предпринимать до их встречи... Эта встреча состоялась 17 марта. В этот же вечер Попова была убита.

— 17 марта, — повторил хозяин кабинета. Его длинные, как у пианиста, пальцы торопливо стали перевертывать, только в обратном порядке, листки настольного календаря, пока не остановились на этой дате. — Правильно... 17 марта. Вот тут у меня записано: «На 15 часов заказать пропуск Поповой». Но она не пришла.

— По всей вероятности, сыграла роль записка Блохина, которую она получила накануне. Видимо, Поповой стало кое-что известно о нем, а может, он сам проговорился...

— Он пытался ее завербовать.

Это уверенно проговорил волгоградский знакомый Киреева.

— Но почему Блохина раньше не задержали? — спросил Киреев.

— Потому, что только вчера, после визита давно ожидаемого гостя, стало известно подлинное лицо Блохина.

Молодой чекист брезгливо поморщился:

— Правда, о Блохине еще предстоит многое уточнить... Пока только известно, что он — сын оголтелого бендеровца, выросший за рубежом. Несколько лет назад

был переброшен к нам. Два года ему дали на то, чтобы он акклиматизировался, и он себя вел тише воды и ниже травы... А потом перед ним поставили задачу создать антисоветскую молодежную организацию. Первая попытка чуть не кончилась для него провалом. К сожалению, ошибка наших товарищей дала ему возможность остаться неизвестным... С Украины он перебрался сюда. И снова попытка... Удивляет все-таки, почему Попова тогда не пришла.

— Она была влюблена в Блохина, — объяснил Киреев, — и, получив от него записку, видимо, решила сначала с ним встретиться, поговорить.

— Тогда понятно... Можно даже предположить большее... Зная из газет, что честное признание подчас снимает вину за прошлое, Попова надеялась, что она заставит его самого явиться в органы безопасности и все о себе рассказать.

— Вместо этого ее ожидала ловушка... Блохин уговорил Валентину зайти на вокзал, купить там ему папирос, а затем встретиться в лесу... Там с беззащитной девушкой он зверски расправился. Это я могу доказать, как дважды два — четыре.

— Спасибо, вы нам хорошо помогли.

Киреев пожал протянутую руку, но на его лице подполковник не прочитал чувства удовлетворения завершенным делом. Киреев сосредоточенно смотрел куда-то мимо него, сдвинув к переносице брови. В голове его настойчиво билась мысль: «Да, преступление раскрыли, но преступление совершено. А надо работать так, чтобы предупреждать преступление...»

— Вы, кажется, чем-то недовольны? — спросил подполковник.

— Валю Попову жаль, — только и ответил Киреев. — Славная была девушка...

Сын

I

Она появилась в кабинете Киреева солнечным, но не жарким сентябрьским утром. Тоненькая, простоволосая, в темной юбчонке и шерстяной кофточке, похожая на неоперившегося подростка.

Робко остановилась у двери.

Павел Семенович мельком взглянул на нее и хотел уже сказать ей, как девочке: «Ну, проходи», но в последнюю секунду почему-то удержался от такого обращения «по-свойски», и у него получилось нечто «проходи-те».

Она нерешительно сделала еще несколько шагов и вновь замерла.

— Прошу, присаживайтесь, — настойчивее пригласил следователь. — Чем могу быть полезным?

Хрупкое, словно игрушечное лицо ее с большими темными глазами нервно передернулось. Казалось, что она вот-вот заплачет. Девушка почти беззвучно прошептала:

— Я пришла... Помогите... Найдите мне моего сына!

Меньше всего Киреев ожидал услышать такое.

— Вашего сына! — воскликнул он. — Извините, сколько же вам лет?

— Двадцать.

— Вот уж никогда бы не подумал... По-моему, тут накурено. Вы не возражаете, если я открою окно?

Безразличный кивок головы.

Киреев неторопливо поднялся. В комнату ворвался свежий воздух вместе с веселыми голосами улицы. Па-

вел Семенович не спеша возвратился на место. Ему хотелось дать ей время успокоиться. Кажется, он в какой-то мере добился этого.

По губам девушки скользнула горьковатая улыбка:

— Можете поверить.

— Как вас зовут?

— Люба.

— Люба... Любаша... Отличное имя!... А теперь постарайтесь спокойно рассказать все, что у вас случилось.

Бледные губы девушки упрямо сжались:

— Я никуда не уеду, пока не узнаю, что с моим ребенком...

Видя, что она готова снова заплакать, Киреев торопливо сказал:

— Конечно, узнаете... Ведь ребенок не иголка, затеряться не может. Главное — не нужно волноваться. Ну, возьмите себя в руки. Вот так. А помочь мы вам поможем. Это я обещаю. Но вы расскажите, что с вашим сыном случилось? Он заблудился? Вы его потеряли в магазине? Его увез бывший ваш муж?

— Нет.

— А что же? Он убежал из дома?

— Ему сейчас только год и девять месяцев.

— Всего. Куда же он девался?

Видя, что она потянулась платочком к глазам, торопливо добавил:

— Э, Люба, так не годится. Уговор дороже денег. Вы и сыну не поможете, только сами себе нервы истреплете. Да и драгоценное время мы зря теряем.

— Поверьте, это очень тяжело.

— Понимаю... Возможно, сейчас вам трудно разговаривать? Давайте посидим. Я подожду. Или зайдите попозже.

— Нет, нет! — испуганно воскликнула девушка.

— Ну, тогда будьте умницей. Что с вашим сыном?

— Не знаю.

— Как это не знаете? — Киреев недоверчиво взглянул на нее, но терпеливо сказал: — Вы просите помочь. Но как это сделать, если даже вы ничего не знаете?

— Мне... стыдно... рассказывать...

— Послушайте, Люба, мы, как и врачи, умеем хранить человеческие тайны, так что смело рассказывайте

все, что произошло. Тем более, что я в два раза старше вас и сумею понять...

— Если можно, налейте мне воды.

— Пожалуйста.

Она медленно, словно собираясь с мыслями, отпила из стакана. Спокойно начала:

— Я училась в техникуме... Это ведь не важно, в каком?

— Пока не важно, а там видно будет.

— Жила в общежитии. По соседству находилась танцевальная площадка, и почти каждый вечер мы ходили туда. Там я познакомилась с одним. Он очень хорошо танцевал. Девочки все завидовали, что он выбирал чаще всего меня. И мне он понравился, хотя я его совершенно не знала. После танцев мы стали оставаться в саду... Любила ли я? — Она тяжело вздохнула: — Не знаю... Ничего я не знаю... А он говорил о своих чувствах, уверял, что как только я закончу техникум, мы поженимся. Я ему верила и... когда мы уехали летом на практику, послала ему несколько писем, но они все возвратились. Адресата не оказалось... Потом мы работали в колхозе на уборке урожая, а когда начались занятия, я пошла на танцевальную площадку. Но его там не было. Ребята сказали, что уехал, неизвестно куда... А потом... Потом... Я поняла, что должна стать матерью... Я хотела что-то сделать, но мне сказали, что уже поздно... Я много плакала... Только так, чтобы никто не видел. Никому, даже своей лучшей подруге я ничего не сказала. Боялась, что, если узнают, дурная слава заставит уйти из техникума. И родных было жалко... И никого не было. Родные жили в районе... Время шло, надо было что-то предпринять... Девочки стали косо поглядывать на меня. Тогда я решилась и, сославшись на болезнь отца, добилась в техникуме отпуска, переехала в противоположный конец города. Поселилась в хатенке на окраине у одинокой старухи, от которой тоже скрыла правду... Видите, я говорю спокойно, но не желаю никому пережить того, что я тогда испытала...

Киреев слушал, подперев подбородок ладонями и опустив взор, чтобы не смущать девушку. Впрочем, она и не смотрела на него.

— Говорят, что счастье материнства — это великое

счастье. Я его не знала. Я испытывала только страх и стыд. Что скажут родные, окружающие, когда тот, неизвестный, появится на свет? Что я им скажу, чем объясню? Подлостью другого? А я сама? Разве я лучше? Разве мое чувство было так сильно, чтобы решиться на такое? Я ночи не спала... Все думала, думала... Будущее представлялось мне страшным. Самое большое мое желание было избавиться от ребенка. Но как, я не знала... И я совершила то, чего себе простить не могу, глупость, нет, не глупость — преступление... Я отдала ребенка...

— Отдали? — первый раз нарушил молчание Киреев.

— Да... Крохотного, голубоглазого сына. Ему было всего три дня, но я не хотела его видеть... От волнения и переживаний у меня пропало молоко. Мальчика кормили искусственным. Вы не поверите, но я его ненавидела... И когда однажды поздно вечером ко мне пришел главный врач и спросил, действительно ли я отказываюсь от ребенка, я исступленно закричала: «Возьмите его, мне он не нужен! Я уже говорила вам, говорила!»

Что было потом — смутно помню. Говорят, что я много дней находилась в бреду. Только через месяц я выписалась из больницы. Я ушла оттуда одна, даже не поинтересовалась судьбой моего сына. Только теперь я понимаю, какими глазами смотрели на меня няни, врачи... Но тогда я ни о чем не думала. Я была рада, что осталась одна и никто не узнает о моем материнстве. В техникуме посчитали, что я вернулась от родных, участливо спрашивали о здоровье отца. И я лгала... Чтобы никого не видеть и забыть пережитое, много занималась. С отличием окончила техникум, а когда при распределении выяснилось, что требуется специалист на Крайнем Севере, сама попросила, чтобы меня туда направили. Я надеялась, что все забудется... Но нет, началось непонятное, страшное. Я просыпалась ночью и видела своего сына. На работе, дома — я видела только его. Что бы ни делала, я думала только о нем. Я стала замкнутой, нелюдимой, раздражительной... О, вы не представляете, как медленно тянется время, когда считаешь каждый день... А я считала и еле дождалась, когда, наконец, получу отпуск. Прямо с аэродрома поехала в родильный дом. Но там мне ни-

чего не могли сказать. Главный врач еще в прошлом году уехала с мужем на работу куда-то за границу. Всю эту неделю я хожу, как безумная. Один знакомый посоветовал мне обратиться к вам. Правда, он не знает, зачем... Найдите мне сына... Что с ним, где он? Помогите... Умоляю!...

Павел Семенович поднялся, долго молчал. Теперь он пристально смотрел на молодую женщину. Она сидела съежившись на стуле, ожидая решения.

— Хорошо, — отвечая своим мыслям, наконец проговорил Киреев. — Мы вам поможем... Если, конечно, это еще возможно.

Она испуганно встрепенулась.

— Вы думаете... Его уже нет! — крикнула молодая женщина.

Киреев не ответил, строго спросил:

— Он будет теперь с вами?

— Да! Да! Клянусь, он всегда будет со мной, что бы ни случилось! Я никому его больше не отдам, никому!

— В каком родильном доме вы находились?

Облокотившись на стол, Киреев записал необходимые данные. Потом сказал:

— Денька через три попрошу вас зайти.

— Так долго?

— Оставьте свой адрес у дежурного. Возможно, мы сообщим вам раньше.

— Спасибо.

Он проводил ее до дверей.

— Будем надеяться на лучшее, — сказал Павел Семенович на прощание.

II

Выяснить судьбу ребенка, казалось Кирееву, не представляло особого труда. Видимо, в больнице к молодой матери, в искреннее раскаяние которой он поверил, отнеслись бюрократически, не захотели возиться.

Но все оказалось значительно сложнее. Там действительно никто ничего не знал, да и прошло с тех пор почти два года. Павел Семенович пробыл в больнице целый день, он поговорил со многими врачами, обслу-

живающим персоналом. Только одна старая нянюшка вспомнила, что в тот вечер в кабинет главного врача заходили двое мужчин. У подъезда их ожидала легковая машина. Это подтвердила и дежурная няня. Одного из мужчин женщины знали, это был главный врач родильного отделения областной больницы.

На другое утро Киреев поехал туда. На его счастье, главврач как раз закончил обход и был у себя.

Кабинет находился на первом этаже двухэтажного здания. Хозяин его, пожилой красивый армянин с пышной шевелюрой, тронутой сединой, и позолоченным пенсне на носу, говорил с небольшим акцентом. Звали его Аванес Захарович.

Когда Павел Семенович предъявил свое служебное удостоверение, он не без иронии сказал:

— Очень приятно... Присаживайтесь... Чем обязан вашему визиту? Неужели среди моих новорожденных появились преступники?

Киреев оценил шутку, ответил в тон:

— Что вы, доктор... Если бы все были такими спокойными, как ваши подопечные, работникам милиции пришлось бы переквалифицироваться.

— Спокойные?... А ну, послушайте, — не без гордости проговорил Аванес Захарович, приоткрывая дверь в коридор, откуда доносилось разноголосое уаканье. — Ну что? Голосища-то! — Он с удовольствием прислушался к «голосищам», потом прикрыл дверь.

— Хор Пятницкого, — с улыбкой заметил Киреев.

Главврач ответил улыбкой.

— А вы думаете... Я его слушаю каждый день вот уже тридцать лет и не надоедает... Так зачем вы ко мне пожаловали? Хотите положить к нам жену?

— Нет, нет, доктор, — поспешно ответил Киреев. — Меня интересует судьба новорожденного мальчика.

— Он находится у нас? Как фамилия роженицы?

— Простите, вы меня не так поняли. Дело вот в чем... 19 сентября 1964 года вы с неизвестным гражданином взяли новорожденного мальчика из Красноармейского родильного дома и увезли его на легковой машине... Вспоминается, доктор?

По мере того как Киреев рассказывал, выражение лица главного врача менялось. Из добродушного оно стало злым, он поджал губы:

— А в чем дело? Почему, собственно говоря, вы об этом спрашиваете?

— К нам обратилась мать мальчугана. Ее волнует судьба сына.

— У нее нет сына. Она отказалась от него в присутствии свидетелей.

— Отказалась. Она не отрицает этого.

— Тогда о чем нам с вами толковать?

— Но вы забываете о человеческих чувствах.

— Ничего я не забываю, — резко оборвал Киреева Аванес Захарович. — Надо было думать раньше. Раз отказалась, никакого ребенка у нее нет. Так гласит закон.

— Милый доктор, я понимаю ваше возмущение и целиком его разделяю. Но матери было всего восемнадцать лет. Теперь она горько сожалеет об этом, раскаивается, но тогда так сложились обстоятельства...

— Молчите... Я лучше вас знаю, на что способна мать ради ребенка. Разве это мать!.. Рожать и курица умеет. Это Горький сказал... Во всей этой истории есть только моральное преступление человека, которого вы почему-то защищаете. Другого нет... И милиции здесь делать нечего.

— Но все-таки, доктор?

— У врачей бывают свои тайны.

— От милиции?

— От кого угодно... Если не нарушен закон и не совершено никакого злодеяния.

— Но в этом надо быть уверенным.

— Могу вас заверить.

— Тогда непонятно ваше упорство. — Разговор принял неприятный оборот, и это начало злить Киреева. «Упрямый старикашка», — подумал он вдруг. Но вслух сказал: — Мы тоже умеем хранить тайны, если это нужно.

Что вы хотите? — почти крикнул врач.

— Мы должны ответить молодой женщине, обратившейся к нам с просьбой выяснить судьбу ее сына.

— Этого я не знаю.

— Извините, доктор, но вы сейчас сказали неправду.

Тот ничего не ответил. Киреев поднялся:

— Очень жаль... Но я должен вас честно предупредить, что раз вы не хотите отвечать, мы вынуждены будем искать другие пути... До свидания.

— До свидания.

Они не подали даже руки друг другу и расстались с неприязнью...

III

По дороге в управление Киреев упорно думал о том, почему главврач ничего не захотел сообщить. Что за этим нежеланием скрывается? В нем заговорило профессиональное самолюбие... Конечно, он все узнает. Главврача, правда, он не сможет заставить заговорить, если тот не захочет... Придется снова поехать в больницу, поднимать документы, разговаривать с людьми... Сегодня он уже не сумеет, есть другие дела, а завтра с утра отправится.

Но к концу дня Кирееву позвонил дежурный и сообщил, что его спрашивает гражданин Арутюнян.

— Пропустите ко мне.

Это был главный врач. Киреев поднялся ему навстречу, помог снять макинтош.

— Доктор!.. Я очень рад вас видеть.

— О себе я этого не скажу, — раздраженно буркнул гость.

Павел Семенович сделал вид, что не расслышал.

— Прошу, — протянул он ему пачку папирос.

— Спасибо, не курю... — И без перехода, неожиданно спросил: — Не ожидали?

— Наоборот, я был уверен, что мы с вами встретимся. Только думал, что вы позвоните... И готов был к вам лететь хоть на крыльях.

— Да... Я понял, что бесполезно вступать в конфликт с милицией.

Он проговорил это с мрачным юмором. Киреев ответил весело:

— Верно, доктор... А главное — незачем. Честное слово, мы найдем с вами общий язык.

— Посмотрим, — снова пробурчал гость. — Скажите, вы вечером свободны?

— Для вас, доктор, в любое время дня и ночи.

— У вас что, жена собирается рожать, что вы заискиваете?

Павел Семенович рассмеялся:

— Во-первых, у меня нет жены...А во-вторых, я много о вас слышал хорошего и рад знакомству.

— Хитрите.

— Честное слово.

— Если вечер свободный, я хочу вас пригласить в гости.

— С удовольствием.

— Только у меня к вам просьба.

— Пожалуйста.

— Откажитесь от своей профессиональной привычки и ни о чем не расспрашивайте.

— Это довольно трудно, но я постараюсь.

— Нет, это непременное условие.

— Хорошо, доктор... Как видите, я покладистый человек, на все согласен.

Главврач ответил не без иронии:

— О да!.. Значит, так: ровно в восемь часов вечера я жду вас у гостиницы «Интурист».

— У гостиницы!

— Не беспокойтесь, интуристы тут не замешаны... Просто это удобное место для встречи... Потом мы отправимся в гости.

— Может быть, вызвать машину?

Ничего, прогуляетесь. Это недалеко, по соседству, на улице Мира. Жду вас в 20.00, как говорят военные. Время вас устраивает?

— Вполне.

— Тогда до вечера.

— До вечера, доктор, — весело ответил Киреев. — Разрешите вас проводить.

— Не маленький, сам дойду, — кивнув головой, он вышел.

IV

Сентябрь хоть и считается по календарю осенним месяцем, здесь, в низовьях Волги, этого не чувствуется. Солнечные, нежаркие дни. Небо и могучая река соперничают в яркости красок, а широкие улицы кажутся еще наряднее в пестром одеянии садов и парков.

Ровно к назначенному времени Киреев подошел к гостинице «Интурист». Уже зажглись разноцветными огнями неоновые рекламы на крышах домов и над ними повис потемневший купол с доблеска начищенными звездами.

Арутюнян уже ожидал его. Он церемонно поздоровался, будто они давно не виделись. На нем был светло-серый костюм из тонкой шерсти, и он с удовольствием отметил, что Киреев тоже одет в штатское.

Как добрые знакомые, они неторопясь зашагали по оживленной улице. Потом со двора вошли в подъезд пятиэтажного дома.

Говорили о посторонних вещах — отличной погоде, прогулках за Волгу, новом романе Константина Симонова. Только на лестничной клетке во время кратковременной передышки пожилой спутник напомнил Павлу Семеновичу о его обещании ни о чем в гостях не расспрашивать.

— Можете не беспокоиться, уговор, как говорится, дороже денег.

Тогда они поднялись этажом выше, и Арутюнян нажал пуговку электрического звонка.

Дверь открыл черноглазый мужчина лет тридцати пяти, в форме железнодорожника. Он радостно воскликнул:

— Доктор! Вот это сюрприз... Машенька, посмотри, кто пришел...

В узкую прихожую выпорхнула миловидная женщина в желтом халате. Но тут же исчезла.

— Одну минуту! Я сейчас! — донесся ее голос.

— Прошу познакомиться, — представил Арутюнян Киреева. — Мой добрый знакомый.

Хозяин крепко пожал протянутую руку.

— Машенька, ты скоро? — крикнул муж.

— Конечно!

Она вышла им навстречу. Теперь на женщине было голубенькое без рукавов платье, очень молодившее ее. Долго не отпускала руку врача:

— Ну, кайтесь, нехороший вы человек... Почему не появлялись?

— Машенька, — назвал ее Аванес Захарович по имени, — честное слово, дела... Вы знаете, что количество рожениц по сравнению с 1913 годом увеличилось...

— Не выдумывайте... Раньше бывало в семье пять-шесть детей, а теперь один-два и обчелся...

Только тогда представилась Кирееву:

— Мария Георгиевна.

— Павел Семенович.

— Очень приятно... Милости прошу, проходите...

В комнате на полу лежал огромный пушистый ковер. Нарядная скатерть покрывала круглый стол, на котором в хрустальной вазе возвышался букет ярких осенних цветов. Стеклянные шкафы, забитые книгами, стояли вдоль стен, посредине изящный сервант с позолоченными рюмками, а у балконных дверей, на специальной подставке тускло блестел выключенный телевизор с растопыренными хоботами внутренней антенны.

Усадив гостей, женщина, предварительно извинившись, вызвала мужа в коридор, где они принялись шептаться.

— Ну-ка, заговорщики, сюда! — крикнул доктор. — Догадываюсь, о чем вы там шепчетесь.

Хозяйка возвратилась в комнату:

— Но чаем вас угостить можно?

— Знаю... За чаем в магазин не посылают.

Женщина остроумно отпарировала:

— А вы полагаете, что он у нас дома растет?

— Не выдумывайте... Имейте в виду, мы проходили мимо и зашли к вам на несколько минут.

— Ну да, так я вас и отпустила... А что же вы своим питомцем не интересуетесь?

— Они мне до чертиков надоели на работе, — с грубой ласковостью проговорил доктор. — Ох, уж эти матери... Ну хвастайся, хвастайся своим наследником.

Мария Георгиевна широко открыла дверь в соседнюю комнату, жестом приглашая их за собой.

— Я его спать укладывала... Это такой хулиган, что и передать невозможно.

В детской кроватке, огороженной сеткой, Киреев увидел пухлого голубоглазого мальчугана, с завитушками белобрысых волос. Он стоял во весь рост, в длинной ночной сорочке, уцепившись розовыми ручонками за спинку кроватки.

— Ну, что я вам говорила, — счастливо воскликнула женщина. — Ах, озорник... Упадешь, ложись сейчас же.

Мальчуган расцвел радостной улыбкой во весь рот.

— Дя-дя... — растягивая слово, проговорил мальчуган.

Отец блаженно улыбнулся:

— Аванес Захарович, а он вас узнал... Дай дяде ручку.

Киреев осторожно взял мальчугана за розовую ладошку.

— Ну, а теперь спать, — решительно сказала женщина. — Диме завтра рано вставать.

Она уложила его в постель, прикрыла пуховым одеялом.

В гостиной сокрушенно сказала:

— Плохо, что в ясли приходится относить... Никак не можем найти няню.

— И очень хорошо, что не можете, — с иронией проговорил доктор, — бросьте эти обывательские разговоры... Если дома малообразованная женщина — образованная не пойдет в домработницы — уронит ребенка, да так, что он на всю жизнь останется калекой — это считается несчастным случаем. А если в яслях, не дай бог, ребенок поцарапает пальчик — вопли стоят на весь город... Миллионы детей воспитываются в яслях и вырастают здоровыми.

— Но все-таки, — слабо сопротивлялась Мария Георгиевна, — когда мать сидит дома, для ребенка гораздо лучше.

— Для кого лучше, — сострил Аванес Захарович, — для матери или для ребенка?

Все рассмеялись.

Потом гостеприимная хозяйка усадила всех за стол, где появились холодная закуска и бутылка вина. И невольно визит затянулся...

V

Домой возвращались в двенадцатом часу ночи. Улицы опустели, стали еще просторнее. Звезды отодвинулись куда-то в глубину и таинственно подмигивали.

Сначала шли молча, а потом Арутюнян спросил:

— Вам в какую сторону?

— Мне все равно. Вечер такой чудесный, что не хочется домой. Разрешите вас проводить.

— С удовольствием... А вот закурили вы зря. Хоть перед сном дайте отдохнуть легким.

— Привычка, доктор.

— Плохая.

Они говорили не о том, о чем каждый думал.

Главврач первым сдался:

— Понравились вам хозяева?

— Очень... Такие милые, симпатичные люди.

— Я полагаю, что объяснений особых не требуется...

— Да... но все равно плохо.

— Почему, разрешите узнать?

— Потому что есть еще человек, который страдает... Понимаете?

— Нет, тогда я должен все рассказать.

Они как раз вышли на притихшую Аллею Героев.

— Присядем, — сказал Арутюнян, когда оказались возле скамьи.

Шляпу он снял, положил рядом.

— Знаете, почему я не хотел ничего говорить при первой нашей встрече?

— Догадываюсь.

— Да... Я и сейчас, хотя вы все видели собственными глазами, опасаюсь за счастье этих сердечных людей. Оно досталось им нелегко, они выстрадали его, как, может быть, никто другой. Но потом, когда вы ушли, я понял: не говорить — бесполезно, все равно вы сами все узнаете и тогда может быть хуже... Женщина, у которой мы были в гостях, не имеет права рожать. У нее тяжелое сердечное заболевание. Я ей прямо сказал об этом, когда она впервые обратилась к нам, уже находясь в положении. Но она стала возражать. Тогда я рассердился: «Вот что... Дебаты окончены. Пока не поздно — нужно удалить плод». «Ни за что!» — твердо ответила женщина. «Да понимаете вы, что рожать вам нельзя, это может стоить жизни!»

Но это ее не напугало. Она просто сказала: «Доктор, если есть хоть один шанс из ста, что я останусь жива, я буду рожать» .— «Но поймите, опасность очень большая». — «Все равно... Я уже решила, и вы меня не уговорите. — И, словно извиняясь за свою настойчивость, добавила: — Мы с мужем так хотим ребенка... Вы не представляете».

Я вынужден был сдаться. Скажу вам больше: я

гордился этой женщиной. Идти на смерть ради будущего ребенка. Разве это не подвиг?

Он замолчал. С Волги набежал ветерок, и зеленая стена за скамьей ожила, как живая. Доктор надел шляпу.

— Случилось то, что я и предполагал. С каждым днем ей становилось все хуже и хуже. Развивающийся плод стал давить на диафрагму. И это могло окончиться катастрофой. Но она ни за что не хотела сдаваться. В тяжелом состоянии Марию Георгиевну привезли в больницу. И вот началась борьба за ее жизнь. Весь наш коллектив проникся огромным уважением к женщине, для которой стать матерью являлось высшим счастьем.

А ей становилось все хуже и хуже. Об операции она и слушать не хотела, мужественно перенося страдания... И вот родился сын, но я знал, что часы его сочтены. Мальчик прожил двое суток... Но как можно сказать о случившемся матери, если она, сама находясь на смертном одре, исступленно требовала своего ребенка.

Что-то надо было делать. Позвонил мужу, велел срочно приехать и ничего от него не скрыл: сказать жене правду — значит убить ее.

Растерянный, он стоял посреди кабинета, машинально теребя в руках фуражку. Бессвязно повторял: «Доктор... спасите ее... умоляю... Ведь она же еще молодая... Доктор, вы понимаете, доктор...»

Я все понимал. Я перебрал десятки вариантов и пришел к заключению, что есть только один выход... Я сказал об этом ему: «Обзвоним все родильные дома — может быть, окажется грудной ребенок, которого мать соглашается отдать на воспитание. Честно предупреждаю, шанс ничтожный, меньше, чем даже один к ста».

Но он ухватился за этот единственный шанс, как утопающий за соломинку. Терпеливо я звонил во все родильные дома. Я не верил в успех, но продолжал звонить, потому что рядом со мной стоял человек, на которого было больно смотреть... Я ушам своим не поверил, когда вдруг сообщили, что молодая мать отказывается от сына... На такси мы помчались в другой конец города. Остальное — вы знаете.

— Неужели она не заметила подмену?

Аванес Захарович устало улыбнулся:

— Вы знаете, что она мне сказала, когда я принес ей мальчика?.. «Доктор, посмотрите, как удивительно он похож на меня... говорят, это к счастью».

Счастливой она ушла из больницы... Вот и все, — закончил доктор свой рассказ. — Вы представитель закона и сами решите, что делать дальше. Мне добавить больше нечего, разве то, что Мария Георгиевна ни на йоту не сомневается, что Дима — родной сын. А теперь пора... Я тоже рад нашему знакомству... Можете не провожать, я живу вот в этом доме... Всегда к вашим услугам...

Он торопливо поднялся.

Киреев остался на скамейке. Он курил и думал. Мысли были невеселые. Завтра придет за ответом молодая женщина. Она уже дважды звонила. Что ей сказать?... Правду. Это его долг... А как же та, другая? Проклятие!

Первый раз в жизни Павел Семенович пожалел, что он работник милиции. Но что делать, что делать?

VI

И вот наступило утро, и молодая женщина пришла. Она была в той же кофточке, лицо ее еще больше заострилось. Сразу было видно, что время, которое прошло от первого посещения кабинета Киреева, ей досталось нелегко. Да и на самом деле, доведись до кого угодно жить в ожидании, надеяться и тут же не верить, мысленно видеть своего сына у себя на руках, смотреть на него, целовать и в то же время без конца сомневаться в том, что ей найдут и вернут его... Нет, такую бурю переживаний перенести тяжело.

Женщина, как только переступила порог, вопросительно, нетерпеливо посмотрела в лицо Кирееву.

Кирееву по-человечески стало жалко ее. На секунду он заколебался, но потом взял себя в руки. Не глядя, сказал глухим, срывающимся голосом:

— Здравствуйте, Люба... Мне тяжело, но я должен сказать: приготовьтесь к самому худшему.

Истошный крик разорвал тишину:

— Умер! Сын... Мой сын... Это я виновата, я...

Павел Семенович подошел к ней, по-отцовски положил руку на трясущееся плечико:

— Не надо, Люба... Этому не поможешь. Будьте мужественны... Ведь вам только двадцать лет. У вас все впереди. Я верю, я убежден, что у вас будет семья, будут дети и вы будете счастливы. То, что с вами случилось, не пройдет бесследно...

Он говорил долго, а потом проводил ее до дежурного. Вышел за ней на улицу и, пока она не скрылась, смотрел вслед. Он готов был для нее сделать очень многое. Но правду сказать — не смог. Потому что та, другая, по его глубокому убеждению, имела больше прав на материнское счастье.

Вурдалак из Заозерного

Странное ранение

День не предвещал ничего особенного. Явившись утром в управление, старший следователь областного управления охраны общественного порядка Павел Семенович Киреев решил посвятить его старым делам, чтобы подготовить их к сдаче в архив.

Но только он разложил бумаги на столе, как последовал неожиданный вызов к комиссару.

В приемной находилось несколько работников, старше его по званию и должности, но капитан, помощник комиссара, кивнул ему на массивную, обитую коричневой кожей дверь:

— Проходи, тебя ждут.

Кабинет был просторный и высокий, словно гимнастический зал. Длинный стол, покрытый зеленым сукном, начинался почти у самой двери и тянулся через всю комнату. У задней стены, где висел портрет Ильича, возвышался другой стол, письменный, с резными ножками, полинявший от древности. За ним сидел рослый мужчина с черными приглаженными волосами и крупными чертами лица.

Киреев застыл у порога.

— Андрей Иванович, вы меня вызывали?

Не отрываясь от бумаг, комиссар сказал:

— Здравствуй, Павел Семенович... Проходи... — Он что-то дописал, отложил самопишущую ручку с золотистой металлической головкой и, приветливо улыбнувшись, жестом указал на кресло: — Присаживайся, — потом снял очки. — Ты слышал что-нибудь о вурдалаках? — неожиданно спросил он.

Киреев мучительно напряг память. Но нужные слова не находились.

— Ну, ну, ничего, — ободряюще проговорил хозяин кабинета, — я тоже, наверное, не вспомнил бы, если б не один рассказ, прочитанный еще в детстве... Но давай к Большой Советской Энциклопедии обратимся, — кивнул он на толстый том. Андрей Иванович снова надел очки, подвинул к себе книгу, неторопливо прочел: «Сказочный оборотень (упырь) — мертвец, который, по поверью славянских народов, выходит из могилы через сорок дней и высасывает кровь у спящих людей».

— Страсти-то какие, — не мог удержаться от улыбки Киреев.

— Ага, — обрадовался комиссар. — А мне было лет десять, когда в каком-то сборнике попался рассказ: под вечер в одну деревню приехал путник, а там оказались одни вурдалаки... Читал рассказ, а в это время, как назло, никого дома у нас не было... Вот уж страху натерпелся... — Он усмехнулся. Возле рта стайкой разбежались морщинки. Теперь он был похож на старого добродушного учителя. — Прошу обратить внимание на одну деталь: высасывает кровь у спящих людей... Аналогичный случай произошел в хуторе Заозерном...

— Не может быть! — воскликнул Киреев.

— Оказывается — может... Вот донесение из района. — Из охапки бумаг Андрей Иванович извлек лист и принялся читать. Теперь голос его звучал строго, даже сурово: «На рассвете двенадцатого июня сторож животноводческой фермы колхоза «Путь коммунизма» гражданин Варакин Кондрат Артемович, шестидесяти двух лет от роду, был найден дояркой Светлозаровой в бессознательном состоянии в луже крови. В тяжелом состоянии пострадавший был доставлен в районную больницу. По заявлению главного врача, хирурга гражданина Савинова, никаких следов телесных повреждений на теле Варакина не обнаружено. Придя в себя, он ничего о случившемся сообщить не мог. Уверяет, что умаялся и задремал, а что с ним произошло дальше — не знает. Принимаем меры».

Комиссар с сердцем отложил листок.

— Какие там, к черту, меры — даже разобраться в том, что произошло, не сумели. Какая-то чепуха. Врач

не обнаружил телесных повреждений... Может быть, они там думают, что действительно вурдалак во всем виноват? А район трудный. Верующих много... сектантов всяких. И пошла писать губерния. Божье наказание... За грехи наши тяжкие... Людей запугивают. Секретарь райкома партии звонил: из хутора уже бегут. Доярки боятся по ночам на ферме дежурить. Дело, возможно, и выеденного яйца не стоит, а крику — на всю область.

Вошел круглолицый капитан.

— Товарищ комиссар, из района звонят. Псурцев. Будете разговаривать?

Вместо ответа Андрей Иванович взял трубку.

— Да. Здравствуйте. Ну?.. Так... Спасибо, обрадовал... Что там необычного? Ты мне еще скажи, что в бога веруешь. Не веришь? И на том спасибо. Больше ничего нет? Квартиру получил? Очень хорошо. Майора Киреева к вам направим. Да. Будь здоров.

Звякнула трубка. Комиссар закурил, машинально протянул пачку Кирееву, но тот не взял папиросу.

— И еще... Вчера в том же хуторе Заозерном сдох от потери крови годовалый теленок. Ни одной царапинки у него не обнаружено... Ну, что скажешь?

— Любопытно.

— Растерялись наши ребята... Псурцев — молодой товарищ, только в прошлом году окончил милицейскую школу. Ему надо помочь. Вылетай-ка к ним в район, разберись, что там за новоявленный вурдалак объявился. Как лучше действовать — на месте решите.

Киреев поднялся. Хозяин кабинета привстал, протянул ему руку.

— Будь здоров, желаю удачи. Смотри, Псурцева не обижай. Он толковый работник. Если что, звони.

Еще одна жертва

На полевом аэродроме, покрытом пушистой травой, Киреева встретил Георгий Андреевич Псурцев. Тонкое, с ребячьими веснушками лицо начальника районного отдела милиции выглядело мрачным.

— Опять беда, — сразу же сказал он, как только они отошли от маленького четырехместного самолета,—

сегодня на рассвете недалеко от хутора Заозерного обнаружен труп собаки. Околела от потери крови.

Киреева это сообщение даже обрадовало. Всегда легче вести поиски по свежим следам.

— Поедем туда?

— Да... Там наш участковый Бурденко. Я приказал никого не допускать и ничего не трогать. Заедем только за ветеринарным врачом. Он нас ждет.

Павел Семенович одобрительно посмотрел на Псурцева. «Молодец, — подумал следователь. — Все предусмотрел. Видимо, действительно толковый работник».

Пройдя за ограду, они уселись в старенький газик, и машина, спустившись с бугра, помчалась по залитым солнцем улочкам районного центра.

— Хорошо, что прилетели. Прямо голова идет кругом. Ни в одном учебнике криминалистики ничего подобного не сыщешь.

Псурцев проговорил это с горькой иронией. Киреев рассмеялся.

— Чудес не бывает. Что-нибудь должно скрываться за всей этой историей.

— В том-то и дело, — обрадовался Георгий Андреевич. — Но сколько мы ни думали, никакого, ну буквально никакого объяснения найти не можем. Случай со сторожем... Полагали, с целью ограбления фермы. Ничего подобного. Ни одной вещи не пропало. А потом теленок, теперь собака. Просто какое-то наваждение.

Он говорил горячо, темные брови его то и дело взлетали мотыльками.

— Ну, а сторож? Как его здоровье?

— Поправляется. Но еще в больнице.

— Что он говорит?

— Ничего. По-моему, он спал.

Машина остановилась у продолговатого приземистого здания на окраине городка. Шофер просигналил, и через несколько минут на улицу вышел худенький старичок с седоватой бородкой в поношенном сером костюме и галстуке. В руке он нес побуревший кожаный портфель. Держался он корректно, по всему чувствовалось, что он недоволен поездкой.

— Здравствуйте, — сказал он, усаживаясь рядом с водителем. — Раньше не могли предупредить, что понадоблюсь.

— Доктор, но ведь это случилось только сегодня утром.

Газик обогнул ветеринарную лечебницу, запылил по степной дороге.

Мужчина продолжал ворчать:

— Ну сдох пес... Экая невидаль. У меня дела поважнее. А тут бросай все, лети к черту на кулички.

— Надо, Петр Васильевич, — миролюбиво заметил Псурцев. — Вы даже не представляете, как все это серьезно.

Киреев молчал. В полуоткрытое смотровое стекло врывался встречный поток степного ветра. Зеленые хлебные массивы чередовались с заливными лугами, голубоватой рябью озер, над которыми склонились пушистые вербы. Потом потянулись леса, и машина то и дело цеплялась о ветвистые руки подступивших к дороге великанов.

Когда они вынырнули на опушку и вдали показалась земляная насыпь, за которой блестело озеро, Георгий Андреевич велел свернуть влево. Узкая ненаезженная колея повела через пастбища. Внезапно впереди показался человек в милицейской форме. Он призывно помахал рукой, устремился навстречу.

— Казак, — подумал про себя Киреев, глядя на коренастую фигурку участкового. — Вот только вместо лихой казачьей сабли на боку — планшет.

— Здравия желаю, — сказал он, когда все вышли из машины. — Прошу сюда.

Участковый повел прибывших по топкому, лишенному растительности месту к кустам орешника. Еще издали все увидели распростертое тело огромного волкодава с оскаленной мордой. У его лап трава потемнела от запекшейся крови.

Когда подошли ближе, Георгий Андреевич задумчиво проговорил:

— Та же картина, что и с теленком. — Оглядевшись, он сокрушительно добавил: — И никаких следов...

— Точно! — подтвердил участковый. — Я уже осмотрел.

— Не считая этих, — заметил Киреев, кивая на затвердевшие отпечатки на влажной земле.

— Да это пастуха... Федора Ивановича, — пояснил участковый.

Киреев пропустил замечание мимо ушей. Он думал о другом — для чего понадобилось убивать собаку. Может быть, это случайность? Возможно, она сдохла от старости? А кровь? Что, интересно, скажет ветеринарный врач?

Бурденко и Псурцев о чем-то в стороне шептались. Потом оба подошли к Кирееву.

— Павел Семенович, товарищ Бурденко сообщил интересную новость. Оказывается, накануне происшествия со сторожем на озере, близ хутора, поселился рыбак. Поставил палатку и живет...

— Вот как... Любопытно... Кто он такой?

— Учитель из центральной усадьбы лесхоза, — ответил участковый.

— Вы его знаете?

— Отец его объездчиком работает. Теперь на пенсии. А он в городе учился. Год назад приехал из института.

— Он действительно заядлый рыбак? — поинтересовался Псурцев.

— Кто его знает.

— Уточните, — приказал начальник милиции.

— Хорошо!

— Не думаю, чтобы он имел какое-либо отношение ко всем этим историям, — заметил Киреев.

Бурденко не согласился.

— А зачем ему тут рыбу ловить? У них там в лесхозе полно озер, чего это за семь верст киселя хлебать. Да и живет в лесу, как бирюк. На хуторе его ни разу не видели.

Разговор был прерван ветврачом. Петр Васильевич словно преобразился. Теперь он меньше всего походил на брюзжащего старикана.

— Ничего не понимаю! — молодо воскликнул он. — Это просто поразительно...

— Что случилось, доктор? — поинтересовался Псурцев.

— Колдовство, честное слово. Кровь есть, ее вытекло порядочно, а ни единой царапины я не обнаружил... Я забираю пса с собой, — категорически закончил он.

— Ну вот... То же самое, — сокрушенно проговорил начальник милиции.

Киреев прошел вдоль кустов до самого леса. Но ни-

чего интересного не заметил. Он возвратился к участковому.

— Кто обнаружил собаку?

— Хозяин... Федор Иванович Сбитнев. Тут за бугром скот пасет. На рассвете хватился — собаки нет. Кликал, кликал... И вот нашел...

—А вы откуда узнали?

— Жинка сказала. Сразу слух пошел. Про этих самых кровопийц.

— Вы в Заозерном живете?

— Нет, в соседнем хуторе. И Сбитнев у нас.

— Что он за человек?

Бурденко задумался.

— Да худого о нем не скажешь, — наконец ответил он. — Пасет овец, пьет по старости в меру, со старухой лается, а другого за ним ничего не замечалось.

— Верующий?

Участковый рассмеялся.

— Федор Иванович-то? Он такое про бога загибает, что и передать невозможно.

— Что будем делать? — спросил Георгий Андреевич.

— На хутор заедем?

Начальник милиции помедлил с ответом.

— Сейчас, по-моему, не следует. Когда мы узнали о вашем приезде, план составили. Может быть, раньше посоветуемся?

— Хорошо, — согласился Киреев.

И газик помчался к районному центру.

Киреев уходит в отпуск

Городок, расположенный в низовье Дона, был когда-то крупной казачьей станицей. Время изменило ее облик. В годы гражданской войны многие дома пострадали, от них не осталось и следа. Уцелело лишь несколько купеческих особняков, то каменных, то деревянных с полуподвальными помещениями, цветной резьбой на стеклах и покатыми крышами. На базарной площади возвышалось здание бывшей женской гимназии, в которой сейчас находилась средняя школа. Многие домишки от старости расползлись, их сломали, а на их месте выросли двухэтажные каменные коробки не бог

весть какой архитектуры. Они пестрели многочисленными табличками районных учреждений. В других жили местные работники: на окнах белели занавески и громоздились пузатые горшки с цветами. Главным достижением городка в благоустройстве были замощеная корявым булыжником мостовая, тенистый парк в центре станицы и модные уличные фонари, похожие на семафоры, неведомыми путями завезенные сюда, за добрые сто километров от железной дороги.

Но местные жители не считали свой городок глухоманью. Они любили его за пышную зелень садов, в глубине которых выступали нарядные домики под цветастыми шапками крыш, гордились фонарями, новым зданием кинотеатра, парком.

— Перекурим у меня, — не то спрашивая, не то утверждая, проговорил Псурцев, когда, высадив ветврача, газик понесся дальше по залитым солнцем улицам.

Киреев не любил хлебосольные приемы местных товарищей, которые, хоть и ни к чему не обязывали, но наносили финансовый урон их скромному бюджету.

— Нужно ли? — с неудовольствием заметил он. — Может быть, заедем в отделение, а потом уже пообедаем в столовой.

Псурцев, видимо, догадался, о чем подумал гость, потому что торопливо объяснил:

— Мы тут советовались... Вас в районе не знают... На этом строится наш план... Поэтому лучше поговорим дома.

— Это другое дело, — согласился Киреев.

Машина проскочила площадь, свернула на тихую улочку и остановилась у высокого забора. Хозяин вышел первым.

— Прошу, — пригласил он Киреева, а шоферу велел ехать. И строго добавил: — О приезде товарища Киреева никому ни слова.

Молодой водитель понимающе кивнул головой.

— Вы уж не обессудьте, живу холостяком, — проговорил Псурцев, пока они проходили длинный двор.

— А семья что не приехала?

— Жена одна... Ей еще два года учиться... Вот жду на каникулы.

Он провел следователя в большую светлую комнату, где стояли клеенчатый диван, железная койка, покрытая

грубошерстным солдатским одеялом, облезлый, видимо, казенный стол, несколько стульев с круглыми матерчатыми сиденьями и новенькая самодельная этажерка, доверху заставленная книгами.

— Вы моего заместителя знаете? — спросил Псурцев.

— Дмитрия Кузьмича?.. Как его ребята?

— Живы-здоровы... Мы живем вместе. Ему три комнаты дали.

— Это хорошо. Его в управлении называют «мать-героиня».

Георгий Андреевич рассмеялся.

— Славный он... И ребята хорошие.

В дверь постучали.

— Вот он, легок на помине... Входи, Дмитрий Кузьмич.

В дверь протиснулся грузный мужчина лет тридцати пяти. На полном добродушном лице сияла улыбка.

— Павлу Семеновичу мое почтение. С приездом, — протягивая руку, пробасил вошедший.

— Спасибо, Дмитрий Кузьмич, очень рад тебя видеть, — сердечно приветствовал его Киреев. — Как здоровье?

— Грешно жаловаться... Ну что, Георгий Андреевич, гость, небось, проголодался с дороги. Сначала закусим?

— Знаю я твои «закусим», — усмехнулся Павел Семенович. — Вы лучше толком мне расскажите, что у вас тут за чертовщина происходит?

— Вот, вот, правильно говоришь, — подхватил Дмитрий Кузьмич. — Именно чертовщина. Сколько работаю, никогда подобного не случалось. Ну что там с псом?

— То же самое, подох от потери крови и никаких следов ранения. Вот Певел Семенович сам убедился.

— Да, все довольно непонятно, — подтвердил Киреев.

— Ты скажи на милость, прямо напасть какая-то!

Все трое уселись за стол.

— Мы тут думали-гадали — ничего понять не можем. Дмитрий Кузьмич на хутор выезжал.

— Ну и что? — живо обернулся Киреев.

— А ничего, — сокрушенно ответил заместитель. — С чем приехал, с тем и уехал. И зря мы голову ломаем. А что милиция сделает, если болезнь напала.

Гость вопросительно посмотрел на Псурцева.

— Наши врачи утверждают, что нет. И потом, почему только в Заозерном?

— Проклятое место... Там у озера гитлеровцы лагерь смерти когда-то устроили. Сколько наших расстреляли... А трупы — в озеро. Вот оттуда и микробы пошли.

— Через двадцать лет? — иронически заметил Псурцев. — Это старухи говорят, что выходят из могилы мертвецы.

— Точно — болезнь, — упрямо повторил Дмитрий Кузьмич.

— Будет вам, — поморщился начальник милиции.— А места там исключительные... Леса и озера. Я, когда впервые побывал там, невольно вспомнил Мельникова-Печерского.

— И божьих людей хватает, — добавил заместитель.

— Это что еще за божьи люди?

— Да сектанты различные... Вот они уж обрадовались... По всем углам шепчутся: страсти господни... Как стемнеет, люди на улицу боятся выйти.

— В этом все дело, — вздохнул Псурцев. — Приезжал ко мне председатель колхоза... С Заозерного несколько семей выехало. Райком требует принять срочные меры. А какие? Мы служебную собаку привозили из соседнего района.

— Привозили? — переспросил Киреев.

— Когда с теленком случилось... Отличный пес.

— Можно сказать, знаменитый пес, — подхватил Дмитрий Кузьмич. — Преступники его как огня боятся, любой след легко берет... А тут потыкался, покружился на одном месте, с тем и увезли.

— В том-то и дело, что и следов никаких нет. Павел Семенович сам в этом сегодня убедился.

— Да, — согласился следователь. — Все-таки, по-моему, следует взяться за сторожа.

— А чего с ним толковать, если дрыхнул он без задних ног.

Киреев рассмеялся.

— Это понятно, на то он и сторож... Но неужели боли не почувствовал?

— Уверяет, что нет. Туман, говорит, на меня снизошел, как в пропасть провалился.

— А не темнит он?

— Не думаю, чтобы что-то скрывал. Да и для чего ему?

— Возможно, боится, что правление колхоза его накажет за сон на посту.

— Черта лысого он боится... Под семьдесят ему. На пенсию, говорит, уйду. А в колхозе каждый человек на учете.

— Значит, не за что ухватиться?—сокрушенно констатировал Киреев.

— Вот у нас и возникло предложение: поезжайте в Заозерное в отпуск, под видом рыбака. Там и учитель рыбачит... Это никого не удивит... Тем более, вас никто не знает. Поживете, присмотритесь. Может быть, так удастся скорее за что-нибудь зацепиться.

— Мы вам и удочки приготовили, червей накопали и шляпу соломенную нашли, — добавил Дмитрий Кузьмич. — А жить будете у моей свояченицы, одинокой женщины, человека верного, она при немцах партизанила.

Киреев задумался. Подобно опытному шахматисту, уже по первому ходу знающему, как будет разыгрываться партия, он мысленно прикидывал все плюсы и минусы подобного варианта. Двое других терпеливо ожидали его решения.

— Ну что ж, в этом есть смысл, — наконец проговорил Павел Семенович.

— А связь будете поддерживать через участкового Бурденко, — обрадовался Псурцев, что предложение было принято. — Он там все и всех знает... Придет к вам под видом проверки документов, вы с ним договоритесь.

— Хорошо, — кивнул головой Киреев. — Но сначала я хотел бы встретиться со сторожем.

— Это сегодня вечером мы вам устроим.

Зазвонил телефон. Георгий Андреевич взял трубку. Говорил он недолго.

— Ветврач принес акт о вскрытии, — пояснил он свой разговор. — Смерть наступила от потери крови... И никаких следов повреждения кожного покрова не обнаружено.

— Вот чертово дело, — поднял свое грузное тело заместитель. Приоткрыв дверь, он окликнул жену:

— Ну, как там у тебя?

Донесся женский голос:

— Да все давно стынет.

— Ну, тогда пошли ко мне. Малость закусим, — проговорил он не без удовольствия, — а то на голодный желудок плохо думается, — и вышел в дверь. Псурцев и Киреев последовали за ним.

В больнице

К сожалению, разговор с колхозным сторожем мало что добавил нового к тому, что было уже известно. Жилистый, сухопарый старичок с жиденькой бородкой и хитринкой в раскосых глазах, то ли действительно от потери крови, а возможно из-за притворства, говорил чуть слышным голосом. Получалось у него гладко, как по писаному. И это насторожило Киреева.

Лежал дед на белоснежной постели в просторной комнате, где находились еще три металлические кровати, сейчас пустовавшие.

Дежурный врач, кстати, принимавший пострадавшего, когда его привезли из Заозерного, молодой человек в больших роговых очках на круглом симпатичном лице, не без любопытства встретил Киреева, но, проводив к больному, понимающе оставил их наедине.

Летний день догорал. В окна, задернутые тонкой сеткой, доносился аромат отцветающих садов. Розовый полумрак окутал комнату, и врач перед уходом зажег свет.

Разговор долго не клеился, но все-таки Кирееву удалось направить его в нужное русло.

— Кондрат Артемович, значит, вы говорите, обошли двор, а потом вошли в помещение фермы. Что же, там никого не было?

— Доярки позднее приходят, как уж светать начнет, — прошамкал старик.

— Ну, а дальше что?

— Расстелил на полу тулуп, скинул ботинки — уж больно, окаянные, жмут — и такая на меня сонливость напала, удержу нет. Может, оттого, что марило.

— Жарко, значит, было?

— Дюже. И не приметил, как свалило в сон.

— Дверь вы на засов закрыли?

— А чего ее закрывать? Разве я гадал, что со мной такое случится?

— Ну и вы ничего не заметили?

Дедок вдруг заерзал на койке. Сухонькая бороденка взметнулась с подушки.

— Да вы лежите.

— Вот тут самая закавыка...

— В чем именно?

— Только прикорнул, словно почудилось мне, будто за фермой застучали об землю лопатой.

— Почудилось или вы это слышали? Вспомните, это очень важно.

— Кабы точно знал, я б раньше рассказал. Ну, словно думается мне, что комья летели. Потому — сухость была, земля твердая, и звук такой, словно кидают ее. Я даже подняться хотел, поглядеть, что там такое, да тут как заколдованный в сон впал.

— А может быть, вам это приснилось?

— Может, и приснилось, — поспешно согласился Кондрат Артемович.

— Ну, а боль вы почувствовали?

Бороденка закачалась в обе стороны.

— Не чувствовал. И как сюда везли... Только в больнице пришел в себя.

Больше Кирееву от него ничего добиться не удалось.

Гораздо содержательнее была беседа с молодым врачом, Игорем Александровичем, как оказалось, выпускником Ростовского медицинского института.

— Вы, конечно, криминалист, — без обиняков сказал он Кирееву, когда тот возвратился в его кабинет и они остались вдвоем. — Знаете, мальчишкой мне хотелось стать сыщиком.

— Начитались Шерлока Холмса, — улыбнулся Павел Семенович. — Почему же не стали? У нас, как говорится, для молодежи все пути открыты.

— Да вот, не получилось... А вы любите свою специальность?

— Наверное, да... Во всяком случае, мне не приходила мысль ее менять.

— Видимо, каждому свое... Но коль мы уже заговорили на эту тему... У нас есть гениальные сыщики?

Киреев ответил иронически:

— Гениев в любой области не так уж много... А у нас есть работа... Как любая другая. Если она тебя увлекает, ты предан ей, то, вероятно, достигнешь большего, чем те, кто, как говорил Маяковский, несут служебную нуду.

— Вероятно, верно, но уж очень прозаично.

— Ничего не поделаешь, доктор, эта жизнь. С годами приобретаешь опыт, и это тоже помогает...

— Но ведь важен еще и талант. Раскрыть сложное преступление, наверное, очень трудно.

— Безусловно. Но слово «талант» в нашей среде не бытует. В противном случае все неудачи и ошибки, а они у нас есть, стали бы оправдывать отсутствием его. У нас действует другой закон.

— Можно узнать, какой?

— За нераскрытие преступления нашему брату мылят шею. О ходе следствия нужно сообщать по инстанции до тех пор, пока преступник не будет найден. И в этом гуманность нашей профессии... Смею вас заверить, что рано или поздно его находят...

— Значит, вы уверены, что узнаете причину загадочных происшествий в нашем районе.

— Если не удастся мне, пришлют другого. Честно говоря, мне бы этого не хотелось... Кстати, доктор, что вы думаете по этому поводу?

— А вы знаете, я давно ожидал подобного вопроса.

— Ничего удивительного нет, — шутливо заметил Киреев. — Наверное, начитались книг о нас, авторы которых настойчиво утверждают исключительно правильную мысль, что без помощи окружающих мы бессильны... Поэтому буду благодарен хотя бы за один ответ.

— Какой?

— Чем, по-вашему, вызвано кровотечение?

Доктор сразу стал серьезным. Он снял очки, отчего глаза его стали маленькими и невнушительными. Протер носовым платком стекла.

— Вот на это я не сумею ответить.

Киреев подождал, пока очки не водрузились на место.

— Я принял сторожа, когда его привезли в больницу. Хорошо, что у нас оказалась консервированная кровь его группы. В противном случае, боюсь, вам сегодня не удалось бы с ним побеседовать. Потом я са-

мым тщательным образом осмотрел его с ног до головы. Я искал царапины, булавочного укола — и ничего не обнаружил. Я подумал, что кровь пошла горлом, но и это не подтвердилось. Какая-то ерунда, абракадабра, называйте, как хотите, но ничем не могу вам помочь.

— Странно.

Полагая, что мои познания невелики, я пригласил нашего старейшего хирурга, имеющего за плечами двадцатилетнюю практику. Но и он вам скажет то же самое. Не желая подливать масла в огонь, и так много кривотолков, мы договорились с коллегой меньше говорить об этом. Но, честное слово, разумное объяснение случившемуся найти не можем.

Несмотря на серьезность положения, Киреев спросил:

— Доктор, а вы не знаете, вурдалаки оставляют следы у своих жертв?

Тот рассмеялся.

— Что касается вурдалаков, то рекомендую поехать в Ростов к моей бабушке. Она еще жива и столько расскажет о них, что вы поседеете от ужаса.

— Вы разрешите закурить?

— Пожалуйста... Мне не дает покоя одна мысль...

— Какая?

— По-моему, мы имеем дело с душевнобольным. Да, да, — боясь, что его перебьют, продолжал доктор. — Только умалишенный, шизофреник, маньяк, как хотите называйте, способен на такое.

— Вот как? — задумчиво проговорил Киреев.

— В самом деле... Можно ли поверить, чтобы человек, находящийся в здравом уме, совершил подобное? Для чего? Какую практическую цель он преследовал?

— О, если знать это — задача наполовину была бы решена. Допустим, доктор, что вы правы. Но чем он мог вызвать такое обильное кровотечение?

— Я уже вам говорил, что на этот вопрос, к сожалению, ответить не могу.

— А, скажем, иголкой или тончайшим шприцем?

— Вы, конечно, шутите?

— Нет, я просто не понимаю.

— Заранее рекомендую отбросить подобную версию.

Они посидели еще немного. Потом Киреев поднялся.

— Спасибо, доктор.

— За что? — искренне удивился молодой человек.

— Вы помогли мне утвердиться в одной очень важной мысли: мы знаем, что ничего не знаем, — и, дружески распрощавшись, вышел из кабинета.

На дворе уже наступила ночь. Яркие звезды раскаленными угольками мерцали в темноте. Из-за прикрытых ставен домов прорезались желтые полоски. Киреев медленно шел по плохо освещенным улицам, упрямо думая об одном. Ему казалось, что он нащупал нить, которая поможет размотать весь клубок.

И хотелось скорее оказаться в Заозерном.

По дороге на хутор

Уже несколько часов Киреев «загорал» на окраине районного центра в ожидании попутной машины. На нем была широкополая, довольно помятая соломенная шляпа, серая в клетку сорочка, заправленная в старые брюки, старомодные чоботы. Громоздкий вещевой мешок он снял с плеч и прислонил к дубу, разросшемуся у дороги. Тут же находились длинные удилища. Со стороны посмотреть — самый что ни на есть заядлый рыбак, готовый отправиться хоть на край света, только бы там клевало.

Солнце поднялось в зенит, палило немилосердно. Воздух и небо казались оранжевыми. Где-то на горизонте выплыло белобрысое облачко, но так и застыло.

Но под дубом было прохладно. Развалившись на траве, следователь с наслаждением вдыхал терпкие запахи лежалого сена. Его не огорчало затянувшееся ожидание. Он знал, что все еще впереди: удачи и огорчения, поиски и размышления, а сейчас можно было ни о чем не думать, только лежать и смотреть на зеленое раздолье степи.

Время от времени, когда до Киреева доносился шум мотора, он вскакивал, хватал свой багаж, выбегал на дорогу и принимался «голосовать».

Но машины шли «не туда». Тогда он возвращался на место под густую спасительную тень.

Так шло время. Его уже начало клонить ко сну, когда послышалось густое гудение грузовика. Павел Семенович вскочил. Из-за нарядного, голубенького доми-

ка, маячившего на краю поселка, вынырнула полуторка и, набрав скорость, помчалась по грейдеру.

Киреев так стремительно выбежал на дорогу, что чуть не угодил под колеса. Резко заскрипели тормоза, но заостренная тень еще продолжала грозно надвигаться. Лишь буквально в последнюю секунду Павлу Семеновичу удалось вывернуться, отскочить в сторону, но так неудачно, что вместе с удилищами и вещевым мешком он свалился в кювет.

Машина между тем остановилась. Сердито распахнулись дверцы кабины, и над поднимающимся Киреевым нависло молодое разгневанное лицо с надвинутой на лоб кепкой.

— Ах ты, пижон! — заорал парень. — Тебе что, жизнь надоела?.. — Он хотел еще что-то крепкое добавить, но сдержался, обернулся назад и уже спокойнее сказал: — А ну, Клава, закрой уши... Я хочу продолжить беседу с этим охломоном.

Только теперь Павел Семенович заметил за смотровым стеклом, рядом с водителем, девичье лицо. Он не слышал, ответила ли что спутница, но только парень утихомирился.

— Ладно, иди, мил человек, помолись богу, что кости целы.

Киреев ничего не ответил. Не отрываясь, он смотрел на хрупкое, с нежным цветом кожи лицо, робкие, будто испуганные глаза, жгучие черные волосы, собранные на затылке в узел, и ему показалось, что знаменитая Джоконда вдруг сошла с картины гениального итальянского художника и оказалась вот тут, в кабине запыленного грузовика.

— Ну, что уставился? — с грубой откровенностью проговорил шофер. — Ступай себе, здесь не подают...— И самодовольно рассмеялся.

Павел Семенович пришел в себя. В нем вдруг проснулся гнев к этому занудному пареньку. Захотелось потребовать его водительские права, наказать за превышение скорости езды. Небось тогда бы заговорил другим тоном. Но благоразумие взяло верх. Ведь он — скромный служащий, отпускник, решивший порыбалить на озере.

Прежде чем дверца захлопнулась, старший следователь смиренно сказал:

— Извините, что так получилось... Просто надоело «загорать», а вы уж очень быстро ехали... Вы не в сторону Заозерного?

— Допустим. А что?

— Если можно — подвезите.

— Магарыч будет?

— Это само собой.

— Тогда быстро в кузов, папаша...

«Папаша», — с горечью подумал Киреев, перекинув свое имущество за борт. А как иначе назовешь? Ведь уже скоро сорок... Сколько, интересно, ей лет? Двадцать два, двадцать четыре, не больше...

Машина резко тронулась, и Киреев плюхнулся на широкую необструганную доску, положенную на борта у самой стенки кабины.

На самодельной скамье уже сидели двое — высохший, небритый, болезненного вида старичок и опрятная старушка в шерстяном, несмотря на жару, платке.

Он молча кивнул им головой.

Настроение у Киреева испортилось. Как ни храбрись, а от правды не уйдешь... С непосредственностью молодости парень прямо ему сказал то, о чем не хотелось думать... Папаша... Впервые по отношению к себе Павел Семенович услышал это слово. «Хоть бы действительно был папашей», — с горечью подумал Киреев. А то немолодой одинокий человек, пусть лишенный забот о семье, но и не знающий радостей домашнего уюта, теплоты близких, родных, всего того, что скрадывает неумолимо приближающуюся старость.

Когда друзья спрашивали Киреева, почему он не женат, он отделывался шутками. Потому что, наверное, не сумел бы объяснить, почему так случилось. В жизни у него были встречи. Но то большое, настоящее чувство, которое захватило бы его целиком, — не приходило. А ему еще в юности крепко запали в душу мысли Герцена о том, что самое страшное, когда рядом с тобой «маленькая» жена — существо телесно близкое и умственно далекое. Муж не может делиться с ней своими мыслями, она не может не делиться с ним своими сплетнями.

Нет, он не был самонадеян, не считал, что нет женщины, достойной его. Просто не повезло — не встретил такой, которая увлекла бы, заставила мечтать,

ждать, надеяться. А без настоящей любви-праздника Павел Семенович не представлял себе брака.

С годами он привык к одиночеству и не очень тяготился им. Была работа, которая заполняла его жизнь до краев, были друзья, книги, театр. И дни за днями летели незаметно и стремительно.

...Странное поведение соседа отвлекло Киреева от невеселых мыслей. Старичок заерзал на сиденье, повернулся в его сторону, уставился страшным немигающим взглядом.

— Аблагм!.. Парабам!.. — крикнул он, наседая плечом на Павла Семеновича.

— Не понимаю, — сухо ответил Киреев, отодвигаясь.

Лицо деда побагровело. Худые, крючковатые пальцы угрожающе взметнулись к горлу, так что Кирееву пришлось соскочить со скамьи.

Женщина схватила своего спутника за кисти рук, крепко сжала их.

— Не дури, — сурово сказала она, отодвигая деда к борту, а сама пересела на его место. — Ну, чего пристал к человеку..

Тот продолжал выкрикивать непонятные слова.

— Ладно, будет, — уже более миролюбиво заметила старушка. И, повернувшись к Кирееву, добавила: — Да вы садитесь, он только так, шебутной, а вообще смирный... К врачам возила, да что толку...

Этот случай вернул Павла Семеновича к действительности. «Сумасшедший», — промелькнула догадка в голове.

А машина между тем, виляя на поворотах, с завидной скоростью мчалась по упругой, густо обросшей травой дороге. Всю весну обильно шли дожди, и по сторонам ее зеленела рослая густая пшеница.

Потом начался лес, уже знакомый Кирееву по первой поездке. Деревья стояли близко, ветки, как живые, цеплялись за борта. То и дело приходилось наклоняться. Женщина положила голову мужа к себе на колени, и тот успокоился. Киреев почему-то вновь подумал о незнакомке, находившейся в кабине.

«Кто она? Куда едет? — старался определить ее профессию Киреев. — Учительница? Может быть. Или врач? Нет, что-то не похоже... Скорее, счетный работ-

ник...». Вот сейчас где-нибудь на дороге она сойдет, и он больше ее не увидит... Почему-то ему этого не хотелось. Но, вздохнув, решил: в конце концов, какое ему дело.

Кончился лес, промелькнул на косогоре хуторок, сердито урча, перебрался грузовик через мелководную речонку и снова помчался среди необъятных хлебных массивов.

Больной, видимо, уснул, уткнувшись в колени. Киреев тихо спросил:

— Что с ним?

Женщина безнадежно махнула рукой.

Через некоторое время она сама поинтересовалась:

— К нам, значит, едете?

— А вы в Заозерном живете?

Та кивнула головой и почему-то вздохнула.

— В отпуске я... Хочу порыбалить...

— А-а, — понимающе проговорила старушка. — Только зря.

— Что, рыбы нет? — спросил Павел Семенович.

— Да что рыба... Дела у нас такие, что и вертаться не хочется... Или не слыхали?

Киреев запнулся. К такому вопросу он не был подготовлен. Но тут же пришло решение, что не стоит притворяться незнающим.

— Как не слышал... Меня даже отговаривали. Но я, бабуся, ни в черта, ни в бога не верю.

— И я не верила, а теперь сумлеваться начала...

— Да чепуха все это...

— Ничего себе чепуха, — рассердилась женщина, — ежели наш Кондратьич чуть богу душу не отдал. Я ведь сама, своими глазами видела, как лежал он, сердешный, без памяти, а на земле кровища...

Старик встрепенулся, поднял голову, безумные глаза уставились на Киреева:

— Кровь! — истошно крикнул он.

Рот исказила гримаса, худющие руки взметнулись кверху, крючковатые пальцы сжались.

Киреев увидел ногти, длинные, давно не стриженные, заостренные, как лезвие бритвы...

А машина, вильнув на проселочную дорогу, въехала в лес и закрутила по сплошному зеленому массиву.

Первые встречи

Сразу за земляной плотиной, могучим плечом подпиравшей огромное изумрудное озеро, возвышалось новое, из красного кирпича помещение молочнотоварной фермы.

А дальше начинался хутор, который показался Кирееву на редкость приветливым.

Аккуратные, чисто выбеленные хаты под жестяными крышами разметались среди пушистой гривы садов.

Шофер лихо затормозил возле фермы. Из кабины выскочила девушка, а за ней водитель.

— Слезай, приехали! — весело крикнул он.

Девушка хотела помочь старикам спуститься на землю, но это раньше ее сделал Киреев. Парень в это время взобрался в кузов и сбросил оттуда мешок, наполовину наполненный чем-то сыпучим, а затем легко спрыгнул сам.

— Спасибо, — сказала спутница и, подняв обеими руками ношу, направилась к коровнику.

— Давай пособлю, — догнал ее парень.

— Сама донесу, не тяжело, — не останавливаясь, ответила девушка.

Водитель возвратился к Кирееву, который достал уже из кармана деньги.

— Ладно, я пошутил, — беззаботным жестом отстраняя протянутую руку, улыбнулся водитель. — Три рубля — не деньги, а водку я не пью. Вот если закурить есть — угостите.

Оба задымили. Старики ушли, а девушка подходила к ферме.

— Красивая, а дура, — незлобно бросил парень, глядя ей вслед.

— Что так?

— Замуж без венчания не идет. Да еще требует по-ихнему.

— Это по какому?

— Черт его знает... Может, на голове нужно вертеться или по-собачьи лаять.

— Неужели сектантка? — воскликнул Киреев.

— В том-то и дело... — и доверительно добавил: — Да ради такой можно и Буддой стать или в марсианскую веру перейти, если она у них там есть... Так ведь за-

смеют, самому себе противным станешь... Вот и ходит в девках, пока мать не окрутит ее с каким-нибудь охломоном из своих, на которого и плюнуть не охота.

— Она на хуторе живет?

— Здесь. Вот их дом, крайний справа, за обелиском, — кивнул он на белевшую избу с тремя окнами... — А памятник, знаете, чей?

— Нет.

— Ее отца... Титоренко. Может, слышали? Партизанил тут при гитлеровцах... Сожгли его... Вот мать у нее с той поры и чокнулась. Связалась не то с баптистами, не то с трясунами, леший их разберет, ну и дочь на свой лад воспитала... А вы сами откуда?

— Из Волгограда.

Парень от удивления свистнул.

— И аж сюда рыбачить?

— Тут у меня человек есть знакомый.

— Кто такой?

— Губина... Антонина Васильевна.

— А-а, бригадир, — удовлетворенно проговорил тот. — Это стоющая женщина, тоже партизанка.

Он как-то сразу проникся уважением к Кирееву.

— Ну, прощевайте... На уху загляну... Не возражаете?

— Была бы рыба, а уж уха найдется, — пошутил Павел Семенович.

— Рыба есть, у нас мало кто ловит.

— Почему?

— Слава дурная у озера. Гитлеровцы возле него лагерь смерти устраивали, уйму народу положили, — он докурил, смял окурок. — Может, довезти?

— А далеко?

— Да нет... Хутор-то весь с пулькин нос... Вот тот дом видите?.. А по соседству, в сторону леса, бригадирша живет.

— Спасибо, тогда дойду.

Они распрощались, как добрые друзья, и Киреев, подхватив свое имущество, неторопливо зашагал по широкой, заросшей бурьяном хуторской улице.

Домики разбежались в разные стороны, выглядывая из-за зеленых укрытий. В чистом небе висело солнце, и по голубой бахроме горизонта всюду в безмолвии застыли остроносые макушки деревьев. Пекло немило-

сердно, и солоноватые капли пота медленно стекали по разгоряченному лицу.

Поравнявшись с круглой железной оградой, Киреев остановился. Могильный холм, тщательно убранный, возвышался за ней. На сером гранитном памятнике было выбито:

Герою-партизану
Титоренко Николаю Терентьевичу
1904—1942
от благодарных хуторян

Скромные полевые цветы окружали могилу. Их пестрые головки заглядывали в небо. У изголовья, словно часовые, застыли тополя.

«Отец — партизан, дочь — сектантка», — невольно подумал Киреев. Он тяжело вздохнул, вытер платком лицо, а потом зашагал дальше.

Хату Губиной он нашел без труда. Она была крайней к лесу, маленькая, чистенькая, окруженная золотоголовыми подсолнухами. Сквозь редкий плетень из ивовых прутьев Павел Семенович разглядел пузатый замок на дверях.

Наверное, надо было идти на ферму, где Антонина Васильевна работала, но он тут же решил, что этого не следует делать. Первый разговор должен произойти наедине.

Киреев посмотрел через дорогу, туда, где жила семья погибшего партизана. Подумалось, что есть удобный случай познакомиться.

Крепкий деревянный забор огораживал дом с улицы. Киреев постучал в калитку. Вышла маленькая женщина, удивительно напоминающая девушку, с которой он приехал.

«Мать», — невольно подумал Киреев. Вслух сказал:

— Здравствуйте. Извините за беспокойство... Вот приехал к Антонине Васильевне, а ее дома нет. Не разрешите ли оставить у вас вещевой мешок?

— Оставь, милый человек, — певуче ответила она.— На ферму хотите? Так она скоро должна быть. Завсегда в это время обедать приходит.

— Правда? — искренне обрадовался Павел Семенович. — Тогда обожду... Не дадите ли напиться?

— А может быть, молочка?.. Холодненького?..

— С удовольствием.

— Да вы заходите... Собаки нет.

Он прошел за калитку и по узкой дорожке, мимо аккуратно разделанных огородных грядок, направился к крытому крыльцу.

Женщина поднялась вслед за ним.

— В дом прошу.

— Спасибо, жарко. Да и натопчу вам.

— Экая беда... Да вы садитесь, сейчас принесу.

Она гостеприимно улыбнулась, легкой походкой прошла в сени.

Киреев огляделся.

Дом был добротный, но уже старый. Ступеньки покосились, скрипели, на крыльце кое-где не хватало досок.

«Хозяина нет», — с горечью подумал Киреев.

Ему вдруг захотелось остаться здесь навсегда, ходить за грядками, дышать вот этим спокойствием, работать на ферме или в поле, чтобы была своя семья, близкий друг, дети...

Возвратилась хозяйка. Она принесла глиняный кувшин, стакан, кусок пшеничного хлеба.

— Ешьте, что бог послал.

Киреев жадно выпил два стакана холодного молока.

— Печет, — сказала она.

— Должно быть, к дождю.

— К вечеру соберется... Да вы наливайте.

— Все... Большое спасибо.

Он поднялся, полез за деньгами в карман.

— Сколько с меня?

Она протестующе замахала рукой.

— Молоко свое, не купленое, чего там... А вон и бригадирша идет... По делу к ней?

— Нет, я в отпуске, на квартиру хочу стать. Порыбалить собираюсь.

— Сродственник будете?

Киреев отрицательно покачал головой:

— Так... Знакомые порекомендовали... Хорошо у вас тут, красиво.

Женщина не ответила. Павел Семенович стал прощаться.

— Еще раз — большое спасибо... Первый улов — ваш.

Кто копает?

К вечеру действительно собрался дождь. Он лениво постучал по крышам и быстро прошел, только наследил. Антонина Васильевна накрыла на стол, и они сели ужинать в маленькой опрятной комнатке, где по углам свисали вышитые полотенца ручной работы.

Хозяйка еще днем понравилась Кирееву. Но тогда поговорить не удалось, она торопилась на ферму.

Лет ей было за пятьдесят, но выглядела она молодцом. Чуть выше среднего роста, хрупкая, светловолосая, без единой морщинки на полном, по-русски добром лице.

Говорила и двигалась женщина не торопясь, и казалось, что она все время о чем-то думает.

Сейчас, следя за ее неторопливыми движениями рук, домовито нарезавшими хлеб, Павел Семенович твердо решил, что скрывать от нее правду, значит, незаслуженно обидеть женщину.

— Антонина Васильевна, — медленно проговорил Киреев, — я, конечно, приехал сюда не рыбу ловить.

— Я так и подумала, — спокойно ответила та.

— Неужели? Почему?

— Не знаю как в городе, а у нас рыбалят так... бездельники, пустомели. А вы на них не похожи.

Киреев рассмеялся.

— Спасибо за доброе слово, но это очень печально. Значит, и другие не поверят?

— Не знаю.

Павел Семенович вздохнул.

— Будем надеяться на лучшее. К вам большущая просьба. Если станут спрашивать обо мне, уверяйте, что я помешан на рыбной ловле. Я очень надеюсь на вашу помощь.

— Что могу, сделаю, — просто ответила женщина.

— Скажите, Антонина Васильевна, что вы думаете обо всех этих загадочных событиях на хуторе?

Антонина Васильевна помедлила с ответом. Губы ее упрямо сжались, в светлых глазах появился злой огонек.

— Одно знаю — работать стало трудно. Ночью на улицу палкой никого не выгонишь. А скотина уход любит. Я теперь ночую на ферме — другие боятся. Вот

только сестры комсомолки Безверховы во всем мне пособляют.

— А Титоренко?.. Дочь?.. — невольно вырвалось у Киреева.

Губина не удивилась.

— А-а, вы ее знаете, — спокойно сказала она.

На одной машине приехали.

— За химикатами ее посылала... Клавдия — девка работящая... Но жизнь у нее исковеркана.

— Слышал... Шофер рассказывал... Неужели ничего нельзя было сделать?

— Раньше, когда маленькой была, наверное, можно... Проглядели. Да и то, война кончилась, у каждого — свое горе, свои заботы... Не в оправдание, а так, к слову... А сейчас — лучше и не затрагивать. Лютует. Верующий человек, что горбатый, все на свой счет принимает.

— Вы извините, что я отвлекся от темы, но меня каждый человек интересует, — смущенно проговорил Киреев, чувствуя, что краснеет.

Хозяйка ничего не заметила.

— Сначала гадала, что тут без сектантов не обошлось. Но нет, — решительно продолжала она, — напраслину незачем возводить. Тут что-то другое.

— Что именно? — воскликнул Киреев.

— Может, хвороба?

— Врачи решительно опровергают это.

— Тогда ничего в голову не идет. Просто хоть поверь, что убиенные повстали из могил. — Женщина устало улыбнулась: — Только бы скорей все это, а то на хуторе никого не останется. На ферме и так не хватает работников.

Губина стала собирать посуду. Потом Киреев услышал:

— Я вам тут постелю.

— Нет, нет, — решительно запротестовал Павел Семенович, — лучше в кухне, на лавке: буду меньше вас беспокоить.

— Какое мне беспокойство, если я сейчас на всю ночь уйду... Но смотрите, вам видней.

— Антонина Васильевна, я сюда ехал в машине с душевнобольным.... Его жена везла...

— С Титоренко!

— Как? Он тоже Титоренко?

— Это дед Клавдии по отцу.

— Вот что! — воскликнул Киреев. — И давно с ним такое?

Губина ответила не сразу. Она домыла тарелку, тщательно ее вытерла полотенцем.

— Давно. С войны. Сына на глазах сожгли. Тогда и помутилось у него.

— Отца Клавы?

Женщина утвердительно кивнула.

— Ей и года не было, да и жила тогда с матерью в соседнем районе, а то бы и их порешили. А когда наши возвратились, им колхоз дом поставил, они переехали к деду поближе... Лечили его, в город возили, а ничего... Так и коротает свой век с бабкой.

— Славная женщина.

— Мужественная. Сколько она с ним горя приняла. Как буйствовать начнет, впятером его не удержишь. А она слово скажет — он утихомирится.

Сложенную в стопку посуду Антонина Васильевна убрала в старомодную стеклянную горку. Сгустились поздние июньские сумерки.

— Лампу зажечь?

— А электричества у вас нет?

— Очередь не дошла.

Она поставила на стол пузатую трехлинейку, очистила фитиль, чиркнула спичкой. По комнате расползлись оранжевые блики. Темные лохматые бабочки заплясали на свету. Женщина прикрыла окно, потом постелила.

— Ну, мне пора.

— Проводить вас?

— Что вы, — смутилась Антонина Васильевна. — Отдыхайте. — Она накинула платок, подошла к двери и нерешительно остановилась: — Может, конечно, это не стоющее, но я лучше скажу. Прошлой ночью кто-то за фермой копал.

Павел Семенович резко встал.

— Копал?

— Я уже коров обошла, прилегла в конторке. Там у нас заместо стекла тонкая сетка в окне... Вдруг слышу стук лопаты... Вышла наружу. Луна еще не взошла, темь такая, хоть глаза выколи. Постояла. Вроде, ничего.

— Может быть, вам это показалось?

— Сама так подумала. А утром поглядела, у леса земля перекопана.

Киреев вспомнил рассказ сторожа.

— Хорошо, что рассказали, Антонина Васильевна. Я все-таки решил пойти с вами. Можно сделать так, чтобы меня там никто не увидел?

— Боюсь, что нет, нынче сестры дежурят.

— Это хуже.

— Да вы не беспокойтесь, сама прослежу.

Она ушла.

Киреева охватило беспокойство. Он прошелся по комнате. Упрямо вертелась мысль, что в ту ночь, когда со сторожем случилось несчастье, во дворе фермы тоже копали.

Лицо в окне

Потом он успокоился. Губина на работе не одна. Дежурят еще сестры. Интересно, будут ли копать этой ночью? Развязал рюкзак, достал оттуда альбом для рисования и цветные карандаши, неизменные спутники всех его поездок.

Люди работали по-разному. Говорят, что Чехов любил писать, опустив ноги в таз с водой. Бальзак пил кофе, Горький много курил... Ни в коей мере не сравнивая себя с ними, Киреев убедился, что ему гораздо лучше думается, когда он рисует.

Усевшись за столом, Павел Семенович принялся воскрешать на бумаге все, что было связано с кровавыми событиями на хуторе.

Начал со сторожа. Он нарисовал его распростертым на тулупе, с босыми ногами. Эта деталь запомнилась из рассказа деда Кондрата. Потом на плотной бумаге появился рисунок годовалого теленка. А ниже — сторожевой пес с оскаленной мордой, в той самой позе, в которой его нашли у кустов орешника.

Потом Павел Семенович надолго задумался. Мучительно хотелось узнать, что могло быть общего между тремя случаями? Даже вывел своеобразное уравнение: сторож — теленок — пес. Почему именно они явились жертвами новоявленного вурдалака?... Случайность? Совпадение или злой умысел?

Ага, кажется, связь обрисовывается. И человек и пес — оба находились на посту. Значит, их захотели обезвредить. Для чего? Ведь на ферме ничего не пропало. А причем тут теленок?

Сколько Киреев ни думал над этим — разумный ответ не приходил в голову. Но не может же быть, чтобы никакой связи не было. Из практики он знал, что так не бывает.

Тогда Павел Семенович принялся размышлять над другим: всех троих обнаружили на рассвете. Значит, беда с ними случилась ночью. Это — важное обстоятельство. Копают на хуторе тоже ночью. Зачем? Во имя чего? А что, если прав молодой врач районной больницы и все это дело рук умалишенного?

Киреев невольно вспомнил известное из практики криминалистики дело о тяжелом ранении женщин неизвестным преступником. Было это вскоре после окончания войны в Свердловске. Оперативные работники терялись в догадках. Ничего общего, казалось, между пострадавшими не было. Их находили с проломом головы в разных концах города. На помощь местным товарищам приехала оперативная группа из Московского уголовного розыска. И вот ей удалось установить, что у всех получивших травму были черные глаза.

Только после этого удалось задержать шизофреника, по мнению психиатров безвредного для окружающих, в воспаленном мозгу которого родилась навязчивая идея, что его убьет женщина с черными глазами. С упорством маньяка тот стал выслеживать их и ночью, где-нибудь в укромном месте, в безлюдном переулке, в плохо освещенном подъезде дома, когда те возвращались одни, неожиданно, исподтишка, наносил удары молотком по голове...

Киреев не случайно вспомнил этот исключительный случай, который вошел в историю криминалистики. А что, если печальные события в Заозерном тождественны? Многое говорило «за». Он ухватился за эту мысль, хотя не очень в нее верил. Ведь тогда бы все было просто. Единственным психически больным на хуторе является дед Клавдии, старый Титоренко. Оставалось только узнать, каким образом тому удавалось вызывать обильное кровотечение без заметного повреждения кожного покрова.

«Старый Титоренко» — записал Киреев. И тут же зачеркнул. Нет, его не устраивало такое решение. А из прошлого опыта он хорошо знал, как опасно делать поспешные выводы, они не раз приводили к ошибкам, уводя следствие в другую сторону.

Следователя мучило одно сомнение. К задремавшему сторожу неизвестный, кто бы он ни был, мог незаметно подкрасться. И подойти к теленку не представляло особого труда. Но злющий пес, охранявший отару, постороннего к себе ни за что не подпустит.

Эта мысль пришла к Павлу Семеновичу еще там, в районном центре, после посещения больницы. Теперь не оставалось ничего другого, как за нее ухватиться. К собаке мог подойти только свой человек, которого она хорошо знала.

Вот по какому пути и надо повести следствие.

И под рисунками появилась новая запись: пес — сумасшедший. Проверить.

Придя к такому решению, Киреев поднялся, положил на место альбом. Болела голова. Табачный дым сизым облаком окутал комнату, и он решил ее проветрить. Но чтобы в раскрытую дверь не налетели лесные бабочки, Павел Семенович, прежде чем выйти наружу, потушил лампу.

Час был не поздний, но хутор казался вымершим. Тяжелая, угнетающая тишина окутала его. Ни задорных девичьих песен, ни веселых перепевов гармошки, ни просто человеческих голосов. Даже собаки примолкли.

В неярком и безжизненном свете поднявшейся из-за леса луны сумрачно темнела хуторская улица с уснувшими домиками. Над ними возвышались деревья с посеребренными макушками. Длинные тени улеглись на дороге. И возможно, сейчас где-то по закоулкам крадется человек, жаждущий крови.

Киреев вздрогнул. Нервный озноб прошел по телу. Стало холодно, и он уже решил войти в дом, когда его чуткий натренированный слух уловил приглушенное всхлипывание, доносившееся от соседей.

Павел Семенович прислушался. Казалось, плакал ребенок, беспомощно и горько.

Тогда Киреев бесшумно, на цыпочках, пересек пустырь и прижался к забору.

В одном месте доски разошлись, и сквозь щель он увидел дом с наглухо прикрытыми ставнями, погруженный в темноту.

Чей-то грубый, но, похоже, женский голос угрожающе проговорил:

— Не будет этого... Если еще узнаю — прибью. А ты мое слово знаешь.

Нет, так с ребенком не станут разговаривать. Тогда кому это угрожают? Неужели Клаве?

Голоса стихли. Скрипнули где-то половицы, и снова наступила тишина. Огорченный, он возвратился к себе. Не зажигая света, разделся, улегся в постель.

Сколько он так пролежал с открытыми глазами, трудно сказать.

В пустой темноте светилось окошко туманным, молочным светом.

Внезапно он весь напрягся, а потом наступило оцепенение. Прижавшись к стеклу, на него смотрело широкое, квадратное лицо с приплюснутым носом и сверлящими глазами. Киреев не мог оторваться от них и лежал беспомощный, как ребенок, холодея от ужаса, — до того нежизненным, потусторонним показалось ему это видение.

Ценой огромного напряжения воли он вскочил, босиком выскочил наружу.

Равнодушно светила поднявшаяся на небосклоне луна. Двор был хорошо освещен. Но Киреев никого не увидел. Он обежал кругом хаты, выскочил на улицу. Ни одной души. Только чернели обрубками немые тени.

И невольно к Павлу Семеновичу пришло сомнение: может, все это плод разыгравшегося воображения?

Неудача

Спал он плохо, часто просыпался. Поднялся с головной болью, когда в окне чуть посветлело. Торопливо одевшись, выскочил в дверь.

День обещал быть хорошим. В стеклянном, словно умытом небе — ни облачка. Воздух густой, подсиненный, с бледным румянцем над лесом. Торопливо уползали мышиные сумерки.

На влажной от росы и вечернего дождика земле

Киреев без труда обнаружил легкие вмятины от своих ног. Но его заинтересовало другое: два параллельных следа под окошками и на примятой траве. Он старательно измерил их, снял отпечатки.

Когда возвратился в комнату, достал тетрадь для рисования. Туда он перенес след.

«Обувь кожаная, на низком каблуке, — уверенно решил он, — подошва на левом ботинке стоптана, носки широкие, полукруглые. Размер не меньше сорок второго — сорок третьего».

Потом по памяти восстановил увиденное в окне лицо.

Удовлетворенный, Павел Семенович спрятал тетрадь в рюкзак.

Губина еще не возвратилась. Дверь в соседнюю комнату была полуоткрыта, и пышная кровать с ворохом подушек не измята.

Но хозяйка оказалась заботливой. На столе возвышалась крынка с молоком, а рядом лежал хлеб.

Есть не хотелось. Захватив удочки и банку с червями, Киреев направился к озеру.

Несмотря на ранний час, хутор уже проснулся. Ставни распахнуты, пламенели стекла окон. Скрипели длинные шеи колодцев, словно на утренней зарядке, то вытягиваясь, то приседая. На ферме мычали коровы, глуховатый говор трактора доносился издалека.

Лес встретил Киреева сумрачной прохладой. Бусинки росы слетали с листьев. Шагая напрямик, он неожиданно вышел на крохотную лужайку. И тут как вкопанный остановился. Под разбитым дуплом векового дуба пластами чернела влажная земля. Киреев медленно обошел вокруг, увидел то, что искал. Знакомые следы... Они отчетливо виднелись на разрыхленной почве.

Настроение у Павла Семеновича поднялось. Все-таки приятнее иметь дело с живым человеком, чем с потусторонним оборотнем. А следы во дворе и здесь убедительно свидетельствовали о земном происхождении их владельца. Наверное, и назвать его не будет особенно трудно. Правда, имеет ли отношение он к кровавым событиям на ферме — покажет будущее.

Весело насвистывая, Павел Семенович вышел к озеру. Оно было действительно необычайно красивым. Ог-

ромная хрустальная чаша обрамлялась живописным орнаментом могучих деревьев. Гладь стояла такая, что хотелось надеть коньки.

Слева от Киреева берег далеко выступал вперед, образуя цветущий мысок, поросший лесом. Там среди деревьев поднимался к небу голубоватый дымок костра.

Павел Семенович подумал об учителе.

— Неплохо устроился.

Появилось желание пройти туда, поговорить о клеве и попутно познакомиться. Но, подумав, решил, что сделает это после встречи с участковым.

Есть люди, которые обожают рыбную ловлю. Киреев не принадлежал к их числу. Часами сидеть с удочкой на берегу казалось ему нудным и никчемным занятием. Да и не хватало терпения.

Но что поделаешь: назвался груздем, полезай в кузов. Он с трудом размотал леску, дважды отрывая крючок от штанины брюк. Однако самое неприятное было впереди. Его мутило от одного вида извивающегося червя. А тут еще надо взять его в руки и постараться надеть на крючок.

Честно говоря, Киреев не особенно был уверен, что ему удастся поймать хотя бы одну дохлую рыбешку.

Но случилось неожиданное. Только он забросил леску, как розовый поплавок затанцевал, задергался, как юла, а затем скрылся под водой. Киреев торопливо дернул удилище, перебросил за голову. В воздухе промелькнула серебристая рыбка и шлепнулась на траву.

И тут его охватил азарт. Павел Семенович бросился за ней. Пестренький окунек трепыхался на земле. Ползая на четвереньках, незадачливый рыбак никак не мог схватить свою добычу.

Говорят, почин дороже денег. Часа через два Киреев собрался домой, гордо неся на кукане полтора десятка окуней и плотвы.

Солнце косило, и жары еще не чувствовалось. По дороге созрела мысль. У фермы он остановил подводу. Бородатый, в годах, возчик с любопытством взглянул на рыбака, вежливо ответил на приветствие, охотно объяснил, как пройти к дому Терентия Ивановича Титоренко.

Дом был небольшой, старый, только весело поблескивала на солнце новая жестяная крыша.

На робкий стук Киреева вышла не старая хозяйка, как он ожидал, а Клава.

На девушке была длинная юбка и кофточка. Клава торопливо возвратилась в комнату, накинула платок, оставив открытой лишь часть лица, и походила теперь на монашку.

Павел Семенович смущенно поздоровался. Клава молча кивнула головой.

— Наверное, не узнали, — наконец проговорил он. — Помните, вчера вы меня подобрали на дороге.

Девушка действительно не узнала его. Полосатая из вискозного шелка сорочка плотно облегала его мускулистое тело, на худощавом загоревшем лице выделялись темные с искринкой глаза, приветливо глядевшие из-под откинутой на лоб помятой соломенной шляпы.

— Проходите.

Приглашение прозвучало недружелюбно. Но Киреев последовал за ней.

Они прошли темную прихожую, заставленную ведрами и садовым инвентарем, и оказались в веселенькой горнице, где со стены зорко поглядывал усатый Буденный.

— Я вот хозяевам принес, — не без гордости кивнул Павел Семенович на свой богатый улов.

—А их нет, вчера уехали.

— Уехали? — машинально переспросил он, чувствуя, что почва уходит из-под ног. — Куда?

— К сыну в Лесное.

— И не ночевали?

Нелепость вопроса покоробила девушку.

— Не ночевали, — резко ответила она. — Засветло уехали.

Киреев почувствовал себя школьником, получившим двойку. Вся его стройная система разлетелась, как мыльный пузырь. Значит, не сумасшедший старик заглядывал ночью в его комнату и не он копал на лужайке за фермой. А ведь всю затею с рыбой Павел Семенович придумал, чтобы, оказавшись на квартире, постараться выяснить размер обуви.

Теперь все полетело прахом. Значит, старый Титоренко не причем. Тогда кто же?

Надо было уходить, а он все топтался в комнате. Глупейшим образом спросил:

— Это точно, что они вчера уехали?

Девушка даже не ответила.

— Что вам надо?

— Простите... Первый свой улов я обещал вашей бабушке.

Кажется, она поверила. Сказала значительно мягче:

— Они не собирались... Но за ними пришла машина.

— Тогда разрешите вам отдать.

Он выложил свой улов на стол.

— Не нужно... Заберите...

— Клава... Мне очень хотелось бы с вами поговорить.

— Откуда вы знаете мое имя?

— Антонина Васильевна сказала. Я у нее остановился.

— Нам не о чем говорить.

— Есть, — с мягкой настойчивостью повторил он.— Я слышал, как вы вчера плакали. Кто вас обидел, скажите? Может быть, я сумею помочь?

— Подслушивали!

— Честное слово, нет. Я вышел из дома и услышал.

— Что услышали?

Глаза ее впервые уставились на Киреева. Взгляд был испуганный.

— Да ничего я не услышал. Только понял, что плачете вы.

— Кто вы такой?

— Разве это важно?.. Приехал из Волгограда в отпуск. И не жалею. Места у вас изумительные, лучше всякого курорта. И рыбалка отличная.

Павлу Семеновичу всячески хотелось расположить к себе девушку. Но это не удавалось. Клава даже не пригласила его присесть, и по всему чувствовалось, что она с нетерпением ждет, когда он уйдет.

— Меня хорошо знает ваш бригадир Антонина Васильевна. Душевная женщина, не правда ли?

Девушка не ответила.

— Вот только рассказывают, что у вас тут загадочные события происходят... Меня даже запугивали. Советовали уехать. Но я в чертовщину не верю. А вы?

Клава демонстративно перекрестилась:

— Господи, благослови и помилуй. Да будет свято имя твое.

Следователь сделал вид, что изумился:

— Неужели вы... верующая?

Она гордо вскинула голову:

— И не отступлюсь.

— Я и не собираюсь вас переубеждать. Хотя... молодая... В наши дни... Довольно странно... Вы домой не собираетесь? Нам по дороге.

— Я теперь здесь живу. — Она взяла рыбу со стола, протянула Кирееву. — Заберите... Извините, мне на ферму собираться.

Ему ничего не оставалось, как уйти. Но рыбу он не взял.

В тупике

Днем пришел участковый. В дверях нарочито громко сказал:

— Прошу предъявить документы.

— Пожалуйста... Вот паспорт... Да вы заходите, — в комнате он подал ему руку. — Присаживайтесь, товарищ Бурденко.

Тот снял фуражку, вытер вспотевший лоб.

— Есть что-нибудь интересное?

— Насчет учителя... Встречи у него в лесу.

— С кем?

— Не выяснил. Слышал, как разговаривал, а когда подошел ближе — никого не было.

— Надо узнать. А насчет собаки?.. Злой пес?

— Злющий. Дважды прохожих кусал. Кроме хозяина, никого не подпускал.

— Это очень важно, — обрадовался Киреев. — Значит, незнакомого человека к себе не подпустит?

Вопрос показался участковому смешным.

— Да вы что?.. Днем Федор Иванович на привязи его держал.

— Вот что, товарищ Бурденко, как можно аккуратнее поговорите с хозяином, постарайтесь выяснить, кто у них бывает, не привыкла ли к кому-нибудь собака.

— Выясню.

— Вы на хуторе всех знаете?

Участковый обиделся.

— Как же мне не знать, если мой участок?

— Мужчин почему-то не видно.

— Их тут раз-два и обчелся. А зараз все в займище, на сенокосе.

— Далеко это отсюда?

— Верст десять будет.

— Домой ездят ночевать?

— Ежели очень уж по жинке соскучатся или харчи кончились.

— Так вот выясните, кто из них в прошлую ночь отлучался на хутор... И какую обувь носят... Размер обязательно.

Бурденко хоть и не понимал, зачем это все Кирееву, но заверил, что задание выполнит в точности. На прощание договорились о следующей встрече у озера.

Когда участковый ушел, Павел Семенович долго еще не вставал из-за стола. Раз версия с сумасшедшим отпала, вся надежда на быстрый исход дела рухнула, как карточный домик. Но кто тогда по ночам копает? А лицо в окне? Может быть, стоит ему самому съездить в сенокосную бригаду? Он, наверное, сразу бы узнал ночного пришельца. А имеет ли все это отношение к загадочным происшествиям на хуторе? Возможно, он идет по ложному следу? Но все равно Киреев хотел знать, кому принадлежат следы тут, у дома, и там, на поляне.

Открылась дверь, и в комнату вошла Антонина Васильевна. Доброе лицо ее выглядело уставшим. Но поздоровалась она приветливо, участливо спросила:

— Небось, с голоду помираете?

Киреев не мог бы объяснить, почему, но ему стало радостней.

— Что вы, Антонина Васильевна... Можете поздравить с отличным уловом.

— А где он?

— Хотел подарить старым Титоренко, а они уехали... Там внучка оказалась... Она что, сегодня не работает?

— Почему? Рано подоила коров, я ее отпустила, а после обеда опять заступит.

— Она теперь у стариков живет.

— Значит, допекла ее мать. То-то, я гляжу, она заплаканная ходит.

— А вы не знаете, почему?

— Да разве она скажет? По характеру вся в отца, жаловаться не станет. Воли в ней много.

— Такое и раньше случалось?

— Чтоб уходила? Нет. Матери она никогда не перечила. Та и побить может, не поглядит, что девка.

— А мне ее мать показалась такой ласковой.

— Это все ласки в глазки.

Разговаривая, Антонина Васильевна все время двигалась. Поставила на стол тарелки, нарезала хлеб, достала из печи чугунок, тушеную картошку с мясом.

— Садитесь.

— Не откажусь... Когда это вы успели приготовить?

— А я уж дома была, только вас не застала.

Она налила ему полную тарелку вкусно пахнущего борща, и он с аппетитом принялся есть.

— Завтра я вас ухой угощу.

Женщина улыбнулась:

— Давно не хлебала.

— Удивительно... В озере полно рыбы.

— Мужика нет.

Произнесла она это спокойно, но ему стало жаль ее. Со вздохом сказал:

— Я тоже один.

— Что так?

— С кем мечталось — не пришлось... А теперь уже поздно.

— Зря... Я бы многое отдала, чтоб хоть дите было...

Оба умолкли, думая о чем-то своем.

— В эту ночь все тихо было, никто не копал, — нарушила молчание Губина.

— Я знаю, — и, перехватив ее удивленный взгляд, пояснил: — В другом месте был... В лесу, за фермой копал.

— Непонятно все это... Такого у нас не было. Может, ищет чего?

Киреев даже поперхнулся. Черт побери, такая простая мысль, а не пришла ему в голову. Все из-за сумасшедшего. Ищет... Ну, конечно, ищет... Тогда совсем другое дело.

Он ухватился за эту идею, как утопающий за соломинку. Но, сколько Павел Семенович ни расспрашивал хозяйку, та не знала, что можно искать на хуторе.

Однако Киреев был рад хотя бы тому, что в сплошной темноте поиска вдруг засветился обнадеживающий огонек.

Потом заговорили о другом. Антонина Васильевна снова плохо отозвалась о соседке.

— Вы ее не любите?

— Ненавижу!

Впервые Павел Семенович увидел, как губы женщины плотно сжались и лицо стало жестким.

— За что?

— Вы знаете, как погиб ее муж?

— Он был партизан.

— Да, командовал нашим отрядом. Разведка донесла, что на хутор привезли группу красноармейцев. Мы знали, для чего. На противоположной стороне озера есть ров. Там много наших порешили гитлеровцы. А тут молодые, безусые... Сердце обливалось кровью. И Николай Терентьевич решился... Меня не взял, только мужчин... Почти на смерть шли... На рассвете ворвались в хутор. Пленных освободили, а его самого тяжело ранили. Спрятали хуторские, да староста выдал. Был у нас тут один, учетчиком работал. Не старый, но из сектантов. До войны такой тихоня да ласковый, все богу молился, а при немцах показал свое звериное лицо. Он да еще Федька-пропойца хуже немцев лютовали. Выпросил он у фрицев Николая Терентьевича. Я, говорит, его в нашу веру приведу. Собрал своих, принес из дома намалеванное на железке изображение бога. На носилках доставили Николая Терентьевича. «Приобщись к богу, прислонись устами, прощение попроси за безверие, тогда я тебе жизнь дарую». Молчит Николай Терентьевич, только выше поднял окровавленную голову. Тогда зверюга костер велел разложить: «Не покаешься — сгоришь заживо». В ответ плюнул Николай Терентьевич в лицо... И сгорел под завывание святош на глазах у родного отца. Тот, как рассказывают, слезу не проронил, а уж потом с ним помутнение и произошло.

Киреев молчал, потрясенный рассказом.

— А железка та с богом теперь у них дома висит. Вот в воскресенье соберутся со всех хуторов, сами посмотрите, как неистовствуют... А она пуще всех. Дай им волю, они бы всех нас заживо сожгли. И еще обвиняют, что их притесняют. Родному дитю жизнь искалечила. А попробуй вступись — тут вопли будут стоять на всю округу... Но уж ненавидеть мне ее никто не за-

претит... И мой-то тогда же погиб, с Николаем Терентьевичем, израненного схватили, — лицо ее оставалось суровым, только голос чуть дрогнул. Руки ее снова взялись за дело. И тогда уже спокойно сообщила: — К нам председатель колхоза приезжал, двух коммунистов на помощь привез. Я ему ничего об вас не сказала. Может, неправильно?

— Да нет, ничего. Когда нужно будет, я с ним сам встречусь.

Она домыла тарелки, убрала со стола:

— Ну, пойду, — и вышла из комнаты.

А Киреев продолжал находиться под впечатлением рассказа. Как живой, вставал перед ним образ отца Клавы, объятого пламенем. Ему даже захотелось нарисовать картину «Смерть коммуниста». Мужественное, волевое лицо. Он не боится смерти, потому что знает, за что умирает...

Взволнованный, Павел Семенович прошелся по комнате. Твердо решил: такую картину он напишет.

На озере

Когда спала жара и раскаленное солнце покатилось по безоблачному горизонту за макушки деревьев, Киреев собрал удочки и направился к озеру.

Вечер подкрадывался незаметно. Хозяйки затопили печи, и из раскрытых кухонек вкусно пахло. Упитанные овцы брели по дороге, за ними шел бородатый пастух. Он вежливо поздоровался с Киреевым.

У фермы Павел Семенович увидел Клаву. Девушка загоняла хворостинкой коров во двор. Хотел ее окликнуть, но потом передумал и не торопясь зашагал дальше.

На озере стояла тишина. Все умолкло в ожидании вечерней прохлады. Только, словно лыжники на снегу, скользили по серебряной глади водяные жучки.

Захотелось искупаться. Павел Семенович быстро разделся, осторожно вошел в студеную воду, сразу почувствовал себя лучше. Дно было твердое, без ила. Он долго плескался, тщательно вымыл пыльные волосы, мокрой пятерней расчесал их.

Бодрый, вышел на берег, быстро оделся. Потом

взялся за удочку. Но клева настоящего не было. Стало темнеть. Он уже с трудом различал на почерневшей воде поплавок.

Киреев поднялся. Вспомнил про учителя и решил познакомиться с ним. Судя по рассказам Бурденко, он поселился на этой же стороне озера, только туда, поближе к плотине.

Павел Семенович посмотрел в ту сторону. Но ничего не увидел. Тогда смотал удочки, побрел по неровному, заросшему травой берегу.

Темнота сгустилась. Раздвигая густые кусты, брел наугад. Внезапно до Киреева донесся нервный окрик:

— Кто здесь? Отвечайте!.. Слышите!..

Голос был молодой, нервный.

В первую секунду Павел Семенович подумал, что неизвестный обращается к нему: машинально остановился. Но нет, голос доносился издалека, а темнота стала такой плотной, что он с трудом различал деревья в нескольких шагах от себя.

А незнакомец взволнованно вопрошал:

— Что вы прячетесь? Я знаю, что вы здесь. Лучше выходите!..

Тогда Киреев почти побежал, до боли царапая лицо, руки о колючий кустарник.

Когда обогнул мысок, сквозь деревья отчетливо увидел пламя костра, а в его красноватом свете — костлявую фигуру мужчины. Он стоял спиной к Кирееву и кому-то грозил кулаком.

Подавшись еще вперед, Павел Семенович крикнул:

— Что у вас случилось?

Мужчина живо обернулся. Молодое круглое лицо казалось растерянным.

— Так вы, оказывается, здесь! А ну выходите! — Метрах в двух от костра лежал какой-то предмет, похожий на вещевой мешок. Киреев обратил на него внимание потому, что, к его удивлению, он тут же исчез в темноте. Тогда Павел Семенович догадался, что это был человек. В настороженной тишине зашуршала под ногами трава. Киреев вышел на свет костра, спокойно сказал:

— Добрый вечер!

Мужчина ответил с угрозой:

— Что вам от меня нужно?

— Простите, вы, наверное, меня не за того принимаете. Я ловил рыбу невдалеке, услышал ваш крик и поспешил сюда.

С лица молодого человека не исчезло недоверие. Глаза его сверлили Киреева:

— Кто вы?

— Отпускник. Вот приехал сюда порыбалить... Но сегодня почему-то плохо клюет.

— Так это?

— Что, не верите, что плохо клюет? — пошутил следователь.

— Ладно... Уху будете?

Киреев улыбнулся:

— Кто же от ухи отказывается?

— Присаживайтесь.

Павел Семенович опустился на траву, огляделся. Ближе к воде между деревьями была натянута двухместная брезентовая палатка. Возле нее возвышались вколоченный в землю самодельный квадратный столик и узкая высокая скамейка. Густо закоптившийся котелок висел над огнем.

— Давайте познакомимся... Меня зовут Павел Семенович, а фамилия Киреев.

— Сидоренко. Просто Владимир.

— Вы местный?

— Да. Только из соседнего хутора... Учитель.

Он вошел в палатку, возвратился оттуда с двумя металлическими мисками, деревянными ложками и краюхой хлеба.

Киреев зорко наблюдал за ним. Было что-то женское в его лице. Большие, чуть изогнутые капризные губы, круглый подбородок, а сам сухой, как жердь.

— Что у вас случилось, если не секрет?

— Какой-то подлец прячется в лесу и следит за мной.

Павел Семенович подумал об участковом. Примирительно сказал:

— Возможно, это вам показалось. В лесу, знаете, все кошки серы.

— Как бы не так. Я его однажды уже почти схватил, да он из рук, как уж, выскользнул.

Киреев пошутил:

— Значит, в чем-то виноваты, если за вами следят.

Учитель ничего не ответил. Павел Семенович притворно вздохнул.

— А вообще, говорят, тут какая-то чертовщина творится. Мне уже советовали уехать.

— Вы тут бывали раньше?

— Нет. В первый раз. Но понаслышан о местах. И точно. Утром за пару часов я полтора десятка поймал. Вот таких, — он показал руками.

И хоть не был ни охотник и ни рыбак, и врать не собирался, в его рассказе невольно получалось, что плотва стала почему-то больше щук.

— Рыба есть, — согласился Сидоренко. — А остальное — враки.

— Позвольте, как враки? А сторож, который находится в больнице, теленок, загадочно погибший от потери крови?

О собаке Киреев умышленно умолчал.

— Вы верите?

— Но ведь все говорят. Я ехал в кузове со старой женщиной, она своими глазами видела.

— Все равно не верю. У нас умеют из мухи сделать слона.

Павел Семенович добродушно улыбнулся:

— В вурдалаков, конечно, я тоже не верю, но что-то непонятное происходит... Вот и с вами тоже.

Учитель разволновался, гневно сказал:

— А ведь эта скотина, наверное, сейчас притаилась где-нибудь рядом и слушает.

Киреев невольно оглянулся. Почему-то вспомнилось лицо в окне. Он весь съежился, холодок пополз по телу. Мрачной стеной чернел вокруг лес.

Костер догорал, и узкие длинные тени, словно зверье, уползали в свое логово. Видимо, стало не по себе и Сидоренко, потому что он подбросил в огонь кривые сучья. Они весело затрещали.

— Пусть слушает, — как можно беззаботнее заметил Павел Семенович. — Только не понимаю, какая охота ему прятаться в лесу. Кстати, когда я подошел, по-моему, вы были не один.

Учитель чуть не опрокинул котелок, который снимал с металлической жерди.

«Волнуется, — отметил про себя Киреев. — Значит, действительно кто-то еще был».

Он ожидал ответа, но Сидоренко промолчал. И это тоже показалось странным. Павлу Семеновичу захотелось заглянуть в палатку.

— Удобная штука, — кивнул он в ее сторону. — Можно посмотреть, как вы устроились?

— Посмотрите.

Палатка оказалась пустой.

Потом они ели густую сильно наперченную уху, пили крутой чай. Разговаривали мало, хозяин замкнулся, отвечал неохотно, и больше ничего интересного Кирееву узнать не удалось.

— А знаете что, — неожиданно предложил хозяин, — оставайтесь ночевать.

«Боится, — констатировал Киреев. — Кого?..»

Так как предложение учителя отвечало его планам, он охотно согласился.

Неожиданная встреча

Настоящие рыбаки встают рано. За ночь они просыпаются много раз, боясь пропустить утренний клев. Киреев боялся также проспать, но по другой причине. Ему хотелось удостовериться в одном предположении.

Сидоренко спал, как говорится, без задних ног, накрывшись с головой и смачно похрапывая. Стараясь его не разбудить, Павел Семенович тихонько выполз из палатки.

Веселый гомон птиц предвещал хорошее утро. Прохладный воздух был чист. Проснулось озеро. Частые всплески доносились оттуда. Трава была сочной и мокрой, и штанины брюк Киреева вскоре стали мокрыми, неприятно холодили тело. Но, не думая об этом, он шаг за шагом обследовал всю территорию вокруг стоянки учителя.

И следователь увидел то, что искал... Следы ботинок 43-го размера: у палатки валялись сапоги учителя. Они были гораздо меньше той обуви, от которой остались следы, обнаруженные в лесу...

Установив это, Павел Семенович вернулся в палатку и лег. Сидоренко скинул с головы одеяло.

— Доброе утро, — бодро сказал Павел Семенович. — А зорьку мы проспали.

Тот что-то буркнул в ответ. Киреев сделал вид, что не заметил плохого настроения учителя. Лишь подумал про себя: «А рыбак-то ты, видать, липовый, хоть и угощал меня вчера ухой». Вслух же сказал: — Искупаемся? — И, не дождавшись ответа, в трусах выскочил на воздух, побежал к озеру.

Потом молча пили чай и только тогда взялись за удочки. И тут Киреев разыграл еще одну сценку: он сделал вид, что вчера оставил банку с червями на прежнем месте.

— Придется возвращаться, — сокрушенно сказал Павел Семенович.

Учитель не возражал. Он явно был не в духе, хотя Киреев и не знал причины такого его настроения.

Участковый уже ожидал следователя в условленном месте.

— Плохо маскируетесь, — подтрунил над ним Павел Семенович после того как они поздоровались. — Сидоренко вчера вас обнаружил.

— Да я там не был вчера и не вел наблюдения за учителем, — обиделся Бурденко.

— Не сердитесь, знаю, что не вы. Там был совсем другой человек.

— Кто? — встрепенулся участковый.

— Вот это нам и надо узнать... Ну рассказывайте, как ваши успехи?

— Был в бригаде. Ни в ту ночь, ни накануне на хутор никто не отлучался.

— Это точно? Может быть, тайком, чтобы другие не знали?

— Люди живут вместе, в полевой будке. Если бы кто ушел, обязательно заметили... И обуви никто не носит такой.

— Отлично, — неожиданно чему-то обрадовался Киреев. — Пастуха видели?

— А как же... Между прочим, они с Сидоренко являются дальними родственниками.

— Вот как!

— Когда Федор Иванович бывает на хуторе, учитель частенько захаживает к деду.

— Значит, собака могла его знать?

— Дед уверяет, что только его к себе и подпускала.

— Это интересно...

Видя, что майор доволен его сообщениями, Бурденко решил, что кашу маслом не испортишь:

— У меня в отношении его сразу подозрение возникло.

— Да, но зачем учителю нужно было убивать собаку?

Бурденко ничего не ответил.

Оба они сидели на мохнатом пне в густой лесной чаще, так что заметить их со стороны было нелегко.

— Вот что, товарищ Бурденко, кое-что начинает проясняться...

— Вы думаете — учитель?! — воскликнул участковый.

— Не будем торопиться с выводами. Сейчас главная наша задача — как можно больше узнать. Вот вам задание... Под каким-нибудь предлогом обойти все дома хутора. Надо точно установить, кто из мужчин носит обувь сорок третьего размера.

— Ясно, товарищ майор.

— Сделать надо это быстро и аккуратно. Завтра в это же время встретимся здесь.

— Слушаюсь.

— Ну, тогда до завтра.

Когда Бурденко ушел, Киреев еще немного посидел. Лесная тишина располагала к размышлениям. А подумать ему было над чем.

Возвратился он домой в самый солнцепек со связкой рыбы. Гордо пронес ее через хутор и очень сожалел, что мало кого встретил. Но прежде чем заняться рыбой, он достал свой альбом. На плотной бумаге появилось изображение долговязой фигуры учителя в широких штанах, в светлой майке и с босыми ногами.

Потом они ели с Антониной Васильевной уху. Вечером Павел Семенович направился к озеру, к стоянке учителя.

Не дойдя метров десять до палатки, улегся в густой траве. Чуть тлел костер. В стороне от него он с трудом заметил молодого человека. Он сидел на лавочке. Во всей напряженной позе учителя, голове, повернутой в сторону леса, угадывалось ожидание.

Так прошло довольно много времени. Потух небосвод, умолкли птицы в лесу, и только на озере «играла» рыба.

Киреев лежал не шевелясь. Тишина стояла такая, что малейшее движение могло его выдать.

Внезапно хрустнула сухая ветка. Молодой человек вскочил. Из чащи навстречу ему выскользнула фигура.

— Ты!.. Как ты меня напугал...

— Хороших людей боишься, а с плохими знаешься... Наконец-то... Я тебя давно ожидаю...

— Раньше не могла.

Уже при первых звуках этого голоса Павел Семенович подался вперед. Он ожидал увидеть здесь любого, только не Клаву. Почему-то ему стало больно, захотелось уйти. Но долг обязывал его остаться.

— Пойдем... Сядем...

Это сказал Сидоренко.

Они прошли к скамейке.

— Погоди...

Учитель подошел к костру, разметал головешки. Огонь совсем погас. Теперь Киреев уже с трудом различал две притихшие фигуры.

— Так-то лучше, — удовлетворенно сказал молодой человек. — А то, ты знаешь, за мной следят.

— Следят?

Девушка попыталась вскочить, но он ее удержал.

— Сейчас не бойся, нас никто не увидит.

Видимо, он обнял Клаву, потому что она сказала:

— Не надо... пусти...

— Ну что ты, Клавушка...

Но девушка решительно отстранилась:

— Давай поговорим.

— О чем?

— Не можем мы быть вместе, значит, видеться нам не следует.

— Ты опять за свое.

— Тяжкий грех.

Сидоренко резко:

— Все у вас грех! В кино пойти — грех, в клуб — грех. Клавушка, разве можно так жить. Ты же умница, посмотри на других девушек, чем они живут.

— Так иди к ним... К своим безбожницам.

— Глупенькая... Я же тебя люблю... Одну... И больше никто мне не нужен, — он снова привлек ее к себе. — И никому не отдам... Уходи ты от своих юродивых.

— Не смей!

Киреев увидел, что она почти свалилась со скамьи.

— Боже, прости меня, грешную... И зачем ты меня подвергаешь таким мукам?

До Павла Семеновича донеслось приглушенное рыдание.

— Клавушка, милая... Ну успокойся... Ну что с тобой, Клавушка?

Учитель снова усадил ее рядом.

— Не будем мы счастливы... Мать проклянет.

Это возмутило молодого человека.

— У, святоша, — гневно сказал он. — Себе жизнь испортила и тебе хочет. Как ты не видишь, что это — гнусное лицемерие?

Девушка вскочила, хотела бежать. Но учитель ее задержал:

— Клава... Не пущу... Что ты делаешь?... Неужели ты не понимаешь, что гибнешь? Ведь мы любим друг друга, любим...

Киреев неловко поднялся во весь рост и, цепляясь за ветки, не глядя, пошел по уснувшему лесу.

Тайна учителя

Утром на другой день Бурденко уже находился на месте. Он сидел на стволе, положив на землю фуражку. Свежий ветерок, дувший с озера, растрепал его густую шевелюру. Из-за леса вышел Киреев, молча опустился рядом.

— Товарищ майор, что с вами? — озабоченно спросил участковый, взглянув на осунувшееся лицо Павла Семеновича. — Уж не заболели вы?

Тот покачал головой:

— Плохо спал.

— Небось, накурились... Знаю я эту штуку.

Киреев действительно чувствовал себя так, словно ему воздуха не хватало.

— Рассказывайте, — сухо приказал он участковому.

— Обошел я все хаты, — вздохнул Бурденко, — а докладывать нечего. На весь хутор двое мужиков, не считая нас с вами. Остальные в степи.

— Кто такие?

— Хромоногий от войны плотник Прикащиков... Насчет выпивки неравнодушный, а так больше ни в чем не замеченный. И внук сторожа фермы, который в больнице работает, школу закончил, к институту готовится, его председатель ослобонил от работы в поле. Ну еще есть годовалый пацан у доярки Анфисы. Так я его в счет не брал.

На полном лице Бурденко появилась улыбка. Но Киреев почему-то не оценил шутку. Неожиданно спросил:

— Вы днем спать умеете?

— Не знаю... Не пробовал.

— Вот надо... Тут у кого-нибудь сумеете отдохнуть?

— А как же... Чай, свой участок, — не без самодовольства ответил Бурденко.

— Время еще есть, постарайтесь хорошенько выспаться. Потому что всю ночь придется бодрствовать.

— Ясно.

Как только стемнеет, незаметно проберитесь к палатке учителя.

— Все-таки он!

— Возле его палатки я обнаружил следы, те же, что и на ферме видела Антонина Васильевна, когда со сторожем случилось несчастье.

— Товарищ майор, а может, собаку вызвать?

— Мы еще не знаем, что эти следы означают, а шуму наделаем на весь хутор. Боюсь — только спугнем.

Участковый согласился. Следователь продолжал:

— С палатки не спускайте глаз. Когда учитель уснет, подберитесь к нему как можно ближе. Вы метко стреляете?

— Вроде, да... На учебных стрельбищах второе место занял.

— Если приблизится к учителю человек, сделайте предупредительный выстрел... А потом в зависимости от обстоятельств.

— А что, может, и не человек? — с испугом спросил Бурденко. — Если мертвец, так я и сам могу утечь.

— Не городите чепухи. Кто бы ни приблизился, стреляйте. Надеюсь, в учителя не попадете?

— Постараюсь... Ну и задачку вы поставили, товарищ майор. Аж сейчас поджилки трясутся.

— Ценю ваш юмор, но дело очень серьезное. Если появится возможность, кого-нибудь пришлю на помощь.

— Не беспокойтесь, и сам справлюсь, не из слабонервных.

— Главное, постарайтесь выспаться.

— Слушаюсь!

— Идите... И помните все, что я вам сказал.

Киреев подождал, пока тот ушел, а затем другой дорогой направился в хутор.

Губина оказалась дома.

— А где же рыба? — весело спросила женщина.

— Сегодня я не ловил, — устало ответил Павел Семенович.

— А у нас новость, — уже другим тоном проговорила Антонина Васильевна. — Даже две. За фермой опять копали, в лесу, на лужайке, где дубы. Даже яму оставили... глубокую.

—Я был там.

Значит, знаете?

— А вторая новость?

— Клава уехала.

— Как уехала?

— Мать пришла утром на ферму, сказала, чтоб не ждали на работу, потому как засветло ушла на дорогу, к автобусу.

— Значит, в районный центр?

— Не сказала, куда.

— А разве можно так? Без разрешения, самовольно?

— У них все можно. Только странно. За Клавой такое не замечалось. Обычно, если что нужно было, обязательно спрашивала... Но это еще не все.

— У вас сегодня уйма новостей, — хмуро улыбнулся Киреев.

— Оказывается, они совсем отсюда податься хотят.

— Кто?

— Клава с матерью.

— Вот как... Куда?

— Будто к сестре, в Армавир.

— А у нее есть там сестра?

— Кажется, есть, но точно не знаю.

С улицы донесся шум машины, резкий скрип тормозов. Киреев подошел к окошку.

На предвечерней улице, как раз у ворот Титоренко,

он увидел грузовик. Знакомый водитель, парень в лихой кепке, привезший Киреева на хутор, о чем-то разговаривал с Клавиной матерью.

— Неужели сегодня? — вслух подумал Киреев.

— Что сегодня? — не поняла женщина.

— Титоренко собирается уехать?

Антонина Васильевна тоже посмотрела в окно.

— Это Иван Терехов... О чем-то договариваются.

В это время парень направился к дому Губиной.

— Кажись, сюда идет, — заметила женщина.

— Это было бы здорово, — обрадовался Киреев. — Антонина Васильевна, голубушка, на всякий случай, выйдите на улицу, пригласите его сюда.

Через несколько минут она возвратилась вместе с водителем.

— Привет рыбакам, — весело сказал парень. — Пришел за обещанным.

Он был в той же клетчатой сорочке с расстегнутым воротником.

Павел Семенович подал ему руку.

— Уха будет. Но сейчас есть дело поважнее. — Киреев показал ему свое удостоверение.

— Теперь надо помочь.

— Это можно.

— Титоренко говорила с тобой об отъезде?

— Да, — удивился парень. — Откуда вы знаете?

— Когда собираются в дорогу? — вместо ответа спросил Павел Семенович.

— С председателем договорились, чтоб я перевез в районный центр. На рассвете я за ней заеду... Чего это она? — повернулся Терехов к Антонине Васильевне. — Сколько лет тут жила, а тут с вещичками переезжает.

— Не знаю...

В разговор вмешался Киреев.

— Телефон на хуторе есть?

— Еще не провели, — ответила Губина.

— Ближайший телефон отсюда?

— В лесхозе, — вставил парень.

— Сколько туда километров?

— Да двадцать будет.

— За час доберешься?

— Дорога больно плохая.

— Надо. Езжай немедленно туда и позвони начальнику милиции Псурцеву на работу или домой. Если не найдешь, позвони дежурному, скажи, чтобы немедленно ему передали, дескать, кланяется Киреев, ждет как можно быстрее от него гостей... Двух-трех человек. Пусть явятся прямо на квартиру к Губиной. Расскажешь — куда. Все понял?

— Все.

— Тогда действуй... По-военному: одна нога тут, а другая там.

Уже в дверях парень спросил:

— А потом что мне делать?

— Хочешь — иди на свидание, а нет — ложись спать.

— А может, я тоже пригожусь. Не глядите, что я худющий, у меня силы хватит...

— Ладно. Можешь подежурить у въезда на плотину в лесу?

— Могу.

— Перехвати милицейскую машину и доставь хлопцев сюда. Только как можно тише.

— Понял.

Он хотел выбежать. Киреев его остановил.

— Да ты не беги, спокойно иди, как будто ничего не случилось. А уж за хутором газани. Ну и, конечно, молчок.

— Могила, товарищ Киреев.

— Антонина Васильевна, вас я тоже хочу мобилизовать. Вы когда собираетесь на ферму?

— Могу и не идти.

— Вот не знаю, как лучше сделать.

— Что?

— Поговорить с Клавиной матерью надо.

— О чем?

— Вот этого я не знаю.

— А для чего?

— С ней надо сейчас встретиться и поговорить так, чтобы был предлог ночью снова к ней постучать.

— А зачем?

В первый раз она проявила любопытство. Киреев объяснил:

— Я вынужден предпринять все это потому, что обстоятельства требуют... Так что же придумать?

— Спросить, когда Клава выйдет на работу?

— Допустим... Вы бригадир, это вполне резонно, что интересуетесь своим работником... А дальше? Не так важна встреча сейчас, как ночью.

Оба задумались.

— А что, если сделаем так, — первым нарушил молчание Киреев. — Вы сейчас пойдете к ней насчет дочери. Забудьте свою неприязнь, поговорите по-человечески, как добрая соседка. Тогда ночью, когда вы ее позовете, она откроет.

Женщина поднялась.

— Лампу зажечь?

— Как хотите... Нет, пожалуй, лучше, когда вы возвратитесь.

Губина вышла. Только теперь Киреева охватило волнение. Он нервно взглянул на часы. Без четверти девять. Допустим, в десять выедут. Не раньше двенадцати будут здесь. Поздновато. А может быть, подождать тогда до утра, когда Титоренко начнут собираться?.. Опасно. Можно упустить момент... Так что же делать?

Киреев, с нетерпением ожидая возвращения Губиной, стоял посреди комнаты, куда со двора уже вползли вечерние сумерки.

Выстрел

В своих предположениях Павел Семенович оказался почти точным. Оперативные работники прибыли в первом часу ночи. Они, как тени, проскользнули в хату Губиной. Все в штатском — двое рослых молодых людей и Псурцев.

Начальник милиции крепко пожал руку Кирееву, представил своих оперативных работников — плотного кудрявого брюнета лейтенанта милиции Колотуна и сержанта Догофайко.

За ними в комнату проскользнул и колхозный водитель. Он замер у двери, вопросительно посмотрел на Киреева, словно спрашивая, можно ли ему здесь быть. Сразу стало тесно. Хозяйка принесла из соседней комнаты стулья и хотела уйти. Павел Семенович ее остановил.

— Антонина Васильевна, вы тоже присаживайтесь...

Георгий Андреевич, времени у нас мало, поэтому я коротко объясню задачу.

— Пожалуйста.

— Товарищ Колотун...

Лейтенант вскочил.

— Вы отправитесь в лес. Там находится Бурденко, где-то возле палатки учителя. За фермой сверните влево и идите прямо по тропинке к озеру.

— Я знаю, где это, — вдруг проговорил Терехов.

Киреев сделал вид, что только сейчас заметил его.

— Ага, наш друг здесь... Отлично. Сумеете проводить?

— А как же!

— Только двигаться нужно абсолютно бесшумно. И никаких разговоров. Задача: связаться с участковым, незаметно дать ему знать о себе. Только будьте осторожны, а то, чего доброго, он вас перестреляет. Каждого, кто попытается приблизиться к палатке, — задержать. Задача ясна?

— Так точно... Можно идти?

— Идите.

Когда двое вышли из комнаты, старший следователь продолжал:

— Антонина Васильевна, мы рассчитываем и на вашу помощь.

— Что я должна сделать?

— Постучаться к соседке. Когда она вас окликнет, попросите открыть, скажите, что дело есть. Вызовите ее на улицу. Товарищ сержант!

— Слушаюсь!

— Как только женщина выйдет, проводите ее сюда. Строго предупредите, чтобы не шумела. В случае необходимости принимайте меры. Главное, чтоб ни единого звука — ни во время операции, ни после.

— Ясно!

— Георгий Андреевич, а мы с вами проникнем в дом. Действовать бесшумно... Антонина Васильевна, вы стучите уверенно, словно действительно позарез нужно... Ну, как говорится, с богом... — И первый направился к двери.

На улице было темно. Хутор давно уже спал. Тихо проскользнули к калитке. Губина в нерешительности замерла.

Следователь приблизился к женщине, коснулся рукой.

— Стучите, — шепнул ей на ухо Киреев. — Только не волнуйтесь.

Антонина Васильевна ударила в ворота. Сначала тихо, потом громко.

— Ильинишна! — позвала она.

Донесся скрип отворяемой двери. Сиплый испуганный голос спросил:

— Кто там?

— Это я, Губина. Открой!

— Чего надо?

— Да на ферме у нас беда... Выдь, пожалуйста, на минуточку.

«Молодчина», подумал Киреев.

Звякнул засов, калитка открылась, Титоренко не успела и шага сделать, как рот ей зажала сильная рука. По другую сторону оказался Псурцев. Киреев одобрил их действия, когда вдвоем они подхватили женщину, понесли к дому Губиной. Он шепнул начальнику милиции:

— Жду вас.

Они скрылись в темноте. Павел Семенович остался один. Машинально потянулся к карману, где лежала пачка папирос. Но тут же отдернул руку. Заглянул в комнатку, прислушался. Дом казался вымершим. Внезапно со стороны леса глухо донесся далекий выстрел.

Киреев вздрогнул. В сознании промелькнуло: «Это в лесу». Нервный озноб пробежал по телу. Страстно захотелось узнать, что там происходит.

Рядом появилась тень. Это был Псурцев. Павел Семенович приложил палец ко рту, жестом предложил следовать за ним.

На цыпочках поднялись на крыльцо. Дверь в горницу была полуоткрыта. Она чуть скрипнула, когда сквозь нее протиснулся Киреев.

Темь стояла сплошная. Где-то равнодушно тикали ходики. В спертом, обжитом воздухе кисло пахло капустой. Двигались осторожно, наощупь, стараясь ничего не задеть. Когда Павлу Семеновичу показалось, что они продвинулись далеко в глубь комнаты, он опустился на пол, потянул за собой спутника.

Драма в лесу

Терехов и оперуполномоченный только углубились в лес, когда впереди раздался оглушительный выстрел. Колотуну нетрудно было догадаться, что стреляли не из охотничьего ружья, а из револьвера. Выстрел был короткий и звучный. «Бурденко!» — мелькнуло в голове. И он побежал на звук, на ходу вытаскивая оружие.

Терехов испугался. Выстрел словно оглушил его. Проснулся страх, захотелось бежать без оглядки. Но парень взял себя в руки, рысцой пустился за работником милиции.

А тот, раздвигая ветки, мчался напролом. Терехов старался не отставать. Руки уже были в нескольких местах оцарапаны, но он не чувствовал боли.

Тускло мелькнуло озеро. Добежав до него, в нерешительности остановились.

Внезапно им почудилось, что кто-то стонет. Напряженно прислушались. Тяжелый вздох повторился. Где-то совсем рядом.

У Терехова сердце ушло в пятки. В руках Колотуна вспыхнул ручной фонарик. Ослепительный луч пробил кусты, и за кустами они увидели палатку.

Через несколько секунд Колотун и Терехов оказались возле нее.

Яркий свет фонарика выхватил из темноты дотлевшие головешки, нехитрое имущество учителя, стал шарить по прибрежной траве, пока не замер на распростертом теле.

Это был Бурденко. Он лежал лицом вниз, пальцы вытянутой руки сжимали рукоятку револьвера. Форменная фуражка свалилась, на затылке виднелась вмятина, волосы вокруг запеклись.

— Убили! — уже не сдерживая себя, крикнул Терехов.

В это мгновение Бурденко снова застонал. Колотун сунул в карман фонарик, разорвал на себе рубашку, торопливо замотал ему голову. Потом вдвоем они осторожно повернули его на правый бок.

«Как поступить дальше?». Лейтенант не знал, что делать. Вызвать ли сюда из райцентра скорую помощь, или отвезти раненого туда? Потом он вспомнил, что в лесхозе имеется медпункт. Это гораздо ближе. Но мож-

но ли Бурденко трогать, тем более трясти в газике? Решил — лучше вызвать сюда.

— Скачи к машине, — отрывисто приказал он Терехову, — и вместе с нашим водителем поезжайте в лесхоз. Там есть врач или фельдшер, доставьте его сюда. Позвоните в районную больницу, пусть немедленно высылают скорую помощь. Дежурного по милиции поставьте в известность, что участковый ранен... Беги.

Парень пустился во всю прыть.

Раненый невнятно что-то прошептал. Колотун склонился над ним. Глаза у Бурденко были закрыты.

— Потерпи, дружище, поехали за врачом, сейчас привезут, — сказал лейтенант.

Но ответа не последовало. Участковый был без памяти.

На озере посветлело. Стало прохладней, и Колотун бережно укрыл товарища пиджаком. Потом он заглянул в палатку, предварительно осветив ее фонарем.

И тут он чуть не вскрикнул от удивления. На раскладушке лежал долговязый молодой человек и крепко спал.

Лейтенант принялся его трясти и только тогда заметил, что с пальцев его правой ноги капает кровь. Край простыни порозовел, как заря.

Выходец с того света

Время для Киреева и Псурцева тянулось мучительно медленно. И хотя ходики шепеляво отстукивали счет секундам, казалось, оно не двигается. Павел Семенович и сидел, и полулежал, опершись на локти. Потом, когда глаза немного привыкли к темноте, он с трудом различил лавку у стены. Ползком добрались до нее и уселись рядом.

Тикали ходики на стене. Ужасно клонило ко сну. Это всегда так бывает. Когда нельзя — мучительно хочется спать. Георгий Андреевич, вероятно, испытывал то же самое, потому что несколько раз тело его вздрагивало.

Вдруг до них донесся неясный шум, словно кто-то шел. Оба встрепенулись, настороженно прислушались. Заскрипело дерево. Киреев еще не успел понять, что

означает этот скрип, когда в противоположной стороне появилась оранжевая полоска. Кусок пола внезапно откинулся, и в освещенном квадрате появилась лохматая голова. Волосы свисали с подбородка, подступили к самому носу, большому, приплюснутому, похожему на огурец.

Цепкая рука поставила лампу на пол. Густой, басовитый голос спросил:

— Ильинишна, спишь, что ли? Вставай, пора собираться.

Так как никто не ответил, мужчина в нерешительности замер. Одутловатое лицо сморщилось, лохматые веки недоуменно замигали.

Киреев, Псурцев прижались к стене, словно хотели в нее втиснуться.

Мужчина стоял в той же позе, чутко прислушиваясь.

— Ильинишна! — негромко позвал он еще раз.

Потом, наконец, решился. Громоздкое туловище его выползло наружу и встало на четвереньки. В это же мгновение Киреев сорвался с места и, перелетев расстояние, сверху обрушился на него.

Мужчина свалился, но тут же мускулы напружинились, и он попытался стряхнуть неожиданного наездника. Но подоспел Псурцев, и уже вдвоем, не без труда, они придавили его к полу.

— Спокойно... Лежать, — тяжело дыша, приказал Киреев.

Он поднялся, достал из кармана револьвер.

— Георгий Андреевич, обыщите карманы.

В карманах ночного гостя, кроме носового платка и кожаного кошелька, не оказалось ничего. Тогда Киреев велел незнакомцу подняться.

— Что вам надо? — пролаял тот. — За что на человека бросаетесь?

— Хорошо, если человек... А если вурдалак, выходец с того света? — сострил Павел Семенович. К нему вернулось хорошее настроение. Он поставил лампу на стол. — Георгий Андреевич, окажите любезность, дайте ему стул... Вот сюда поставьте, в центре... Садитесь! И не вздумайте дурить.

— Вы не имеете права...

— Позвольте, а что, собственно говоря, я такое делаю? Вы — человек пожилой, ну зачем же вам

стоять, — и уже другим тоном, резко: — Садитесь!

Псурцев заглянул в отверстие в полу:

— Интересно посмотреть, что там за убежище? Я спущусь.

— Возьмите лампу... И будьте осторожны.

— У меня фонарик есть.

Он достал из кармана фонарик, медленно стал спускаться.

Незнакомец заерзал на стуле. Дыхание его стало тяжелым. Это не прошло мимо внимания Киреева.

— Вы чем-то обеспокоены? — язвительно спросил он. — Простите, не знаю ни вашего имени, ни фамилии.

Мужчина ничего не ответил. В это время послышался громкий возглас начальника милиции.

— Что там такое? — спросил Киреев, подойдя к краю квадрата в полу и не спуская глаз с сидящего на стуле.

— Сейчас, Павел Семенович, — озабоченно ответил тот. — Тут такое...

Через несколько минут из люка показалась женская взлохмаченная головка, а затем появилась и худенькая фигурка в легком изорванном платье. На оголенных руках и ногах виднелись фиолетовые рубцы.

— Клава! — ахнул Киреев.

Вслед за ней вылез из подвала Псурцев.

— Привязанная была к постели... Ну и паразиты, — с сердцем сказал он.

Павел Семенович с болью смотрел на девушку. Она еще больше похудела, в лице — ни кровинки, только лихорадочно блестели глаза. Но повела она себя странно.

— Что вам надо? — крикнула девушка... — Почему вы врываетесь ночью в чужой дом?

Псурцев открыл рот от удивления. Киреев ответил как можно спокойнее:

— Успокойтесь, Клава.

— Где мать?

— С ней ничего не случилось, она у Губиной.

— Пойдемте, святой брат, — обратилась она к мужчине и хотела подать ему руку.

— Отойдите, — глухо бросил Киреев. — Он арестован.

— За что? Не имеете права!.. Это — мой жених.

У Павла Семеновича глаза полезли на лоб.

— Жених? — машинально переспросил он.—Клава... Подумайте, что вы говорите...

— Да, да, жених! — крикнула девушка.

Но тут нервы ее не выдержали, и она забилась в истерике, что-то бессвязно выкрикивая.

— Георгий Андреевич, воды!

Псурцев бросился на кухню, но девушка с ненавистью отшвырнула от себя кружку. С глухим звоном та покатилась по полу, обрызгав водой Киреева.

Это еще больше его расстроило. Ему показалось, что девушка лишилась разума.

Но нет. Клава успокоилась, гордо поднялась.

— Святой брат, — твердо сказала она, — я вас не оставлю нигде... Будем терпеть... Так бог велел.

И прежде чем Киреев опомнился, Клава схватила жилистую волосатую руку мужчины и поднесла к губам.

В эту минуту с улицы донесся шум газика. В комнату вбежал Терехов. В дверях он как вкопанный остановился при виде странной картины. Потом скороговоркой выпалил:

— Несчастье... В лесу... Бурденко тяжело ранен в голову... Учитель без сознания от потери крови.

Раздался душераздирающий крик. Клава подбежала к парню и чуть не вцепилась в его лицо.

— Врешь ты, врешь!

— Тю, скаженная, — подался тот назад. — Что я вру, когда их увезли в больницу.

— Бедный Володя... Это я... я виновата... — И слезы снова потекли по ее щекам.

— Не кощунствуй, сестра моя, — укоризненно сказал мужчина. — На все воля божья.

Киреев оттащил парня в сторону, потребовал от него подробного рассказа.

Павел Семенович был искренне огорчен случившимся.

— Проморгали, — сокрушенно проговорил он. — Вот что, Ванюша, ты теперь у нас, вроде, связной. Сумеешь сходить к лейтенанту?

— Пойду, — охотно согласился тот.

— Спасибо. Передай ему, чтобы до моего прихода ничего не трогали. И никого не допускать. А по дороге

загляни к Губиной. Там сержант Догорайко. От моего имени вели ему явиться сюда. Все понял?

— Все.

Терехов умчался.

На улице совсем рассвело. В раскрытую дверь заглядывала серая прохлада. Киреев с наслаждением глотнул свежего утреннего воздуха, возвратился в комнату.

В комнате все было по-прежнему. Псурцев прохаживался возле задержанного, Клава притихла, забилась в угол. Она не поднялась даже, когда с криком вбежала мать. За матерью Клавы вошел Догорайко.

— Раскройте ставни, — приказал ему Киреев. — Потом сходите к моей хозяйке, Антонине Васильевне. Попросите ее быть понятой и найдите еще кого-нибудь, произведем обыск.

— Не имеете права! — взвизгнула старая Титоренко.

Киреев рассердился. Сам того не желая, возвысил голос:

— А издеваться над дочерью можно? Скрывать вот этого... — Не найдя нужного слова, он так и не сказал кого, а просто закончил: — Ведь за это отвечать придется.

Возвратился сержант с Антониной Васильевной и заспанным одноногим дедом.

Соблюдая формальность, Павел Семенович пригласил их спуститься в погреб. Он взял лампу со стола и полез туда первым.

Затхлый воздух ударил в нос. Подвал был большой, прямоугольный, с высоким потолком. В одном углу возвышались две массивные бочки, крышки которых были прикрыты булыжниками. У стены стоял топчан с разбросанной постелью, а рядом столик с деревянной миской и граненым стаканом. На земле валялось несколько пустых бутылок.

Киреев зорко оглядывал земляные стены. Дед охотно светил ему лампой.

— Где-то должен быть выход отсюда, — уверенно сказал ему Павел Семенович.

— Та не, — с украинским акцентом возразил тот. — Це ж погреб.

Но Киреев продолжал шарить по стенам.

Внезапно совсем рядом раздалось громкое кукарекание. Киреев пошел на крик и тут за бочкой увидел лазейку, прикрытую сбитыми досками.

Но прежде чем полезть туда, задержался у бочки. Сделал он это, вероятно, потому, что его внимание привлек булыжник, повернутый набок.

Павел Семенович с трудом сбросил его, поднял круглую крышку, набухшую от влаги. Свет лампы упал на металлическую коробку старинной работы. Она стояла прямо на квашеной капусте, до половины заполнявшей бочку.

Коробка оказалась на редкость тяжелой. От нее пахло плесенью. Но крышка откинулась легко. И тогда понятые ахнули от изумления. В коробке лежали широкие обручальные кольца, изящные девичьи колечки с искрящимися камнями, массивные цепочки, ложки и ложечки, подстаканники тонкой резной работы, круглые пяти- и десятирублевки дореволюционной чеканки, браслеты и медальоны.

— Батюшки! — воскликнул дед. — Неужто золото?

— А вы думаете, медь кто-нибудь станет прятать? — спокойно ответил Киреев.

Он проверил лаз, выходящий в подвал, где кудахтали куры, возвратился в погреб.

Потом все поднялись наверх.

В комнате стало совсем светло. За окнами небо посинело и раздалось в глубину. Разноголосый гомон птиц возвестил о приходе утра.

Неожиданно Губина шепнула Кирееву:

— Павел Семенович, выйдемте-ка в сени.

Удивленный, он последовал за ней.

— А вы знаете, на кого тот, что сидит на стуле, смахивает? — сказала она. — На старосту, зверюгу, что отца Клавиного при немцах сжег.

— Не может быть!

— Хоть и постарел, и бороду отрастил, а он. Видали, как он от меня лицо воротит. Золото-то он с убиенных награбил, с кровью оно.

— Фамилия как старосты?

— Щетинин Архип Захарович.

— А есть еще на хуторе люди, которые могли бы его опознать?

— Да немало.

— Антонина Васильевна, голубушка, пригласите таких сюда.

Женщина молча вышла. Павел Семенович прошел в комнату.

— Ну так что, Архип Захарович, — как ни в чем не бывало обратился к мужчине Киреев, — с возвращением вас...

Тот вздрогнул, словно от удара хлыста. Глаза его налились кровью. Пересохшим от волнения голосом прохрипел:

— Ошибаетесь, меня Александром Борисовичем зовут.

— Теперь, может быть, а раньше вы все-таки Архипом Захаровичем прозывались. Щетинин ваша настоящая фамилия, — резко сказал Киреев.

— Неправда!

Павел Семенович повернулся к матери Клавы, безучастно сидевшей на стуле.

— Знаете, кого вы у себя пригрели? Кровавого палача, убийцу вашего мужа... Вот кто этот святой брат. Он сжег отца вашей дочери.

Девушка вскочила как ужаленная:

— Врете!

— Нет, Клава, старостой он тут при гитлеровцах был... сотни замученных людей на его счету. Вы сейчас сами в этом убедитесь... Встать! — крикнул он арестованному.

Тот, сутулясь, поднялся.

— Выведите его во двор, — приказал Павел Семенович сержанту. — Пойдемте и вы, — пригласил он Титоренко.

У ворот собрались хуторяне. В калитку прошла с несколькими пожилыми женщинами Антонина Васильевна.

— Заходите, не стесняйтесь... Все сюда, — пригласил во двор собравшихся на улице хуторян. — Вы знаете этого? — указал он на Щетинина, стоявшего под конвоем на крыльце.

Несколько секунд царило гробовое молчание. Потом в утренней тишине раздались душераздирающие крики.

— Душегуб!

— Он, он, бабоньки! У, кровопийца!

— Фашист треклятый!

Гневно размахивая руками, хуторяне все ближе и ближе подступали к крыльцу. Киреев остановил их.

— Не беспокойтесь, товарищи, он за все ответит перед советским судом. Думаю, что и кровавые события на вашем хуторе — дело рук этого святоши!

Клава стояла бледная, без единой кровинки на лице. Последние силы оставляли ее. Она бы как подкошенная свалилась на землю, если бы не сильные руки Киреева, подхватившие девушку.

Последнее звено

Из окна кабинета Киреева видна улица, широкая, как полноводная река. В густой сетке назойливого дождя одинокие фонари кажутся далекими бакенами. Изредка проплывают трамваи, из-за стекол доносится лишь легкий перезвон. На той стороне к самой ограде подступили деревья городского парка. Листья с них пооблетали, и безлистые ветки качаются на ветру.

Грустно в такую пору. Но на сердце у Павла Семеновича хорошо. Завтра, в крайнем случае, послезавтра он сумеет доложить комиссару милиции, что дело закончено.

Да, оно было нелегкое. Даже тогда, когда доказательства были собраны и неотвратимые факты убедительно свидетельствовали, что виновником загадочных событий на хуторе Заозерном является бывший гитлеровский староста Щетинин, по неизвестно где приобретенному паспорту именовавшийся Александром Борисовичем Глазковым, оставалось одно неясное звено: каким образом тому удавалось вызывать у своих жертв такое обильное кровотечение?

На первом же допросе Павел Семенович убедился, что спрашивать его об этом бесполезно.

Щетинин отлично понимал, что за кровавые злодеяния во время гитлеровской оккупации его ожидает расстрел. И никакое чистосердечное признание не облегчит наказание. Только упорное молчание может на некоторое время оттянуть возмездие. И он уцепился за это.

Подлецы, как правило, бывают трусами. И он цеп-

лялся за жизнь, хоть, вероятно, просыпался и засыпал в холодном поту от сознания, что его ожидает.

Фашистского убийцу можно было судить и без его признаний, многочисленные свидетели полностью его изобличили, но Киреев хотел узнать все. Плохо бы выглядели на суде работники охраны общественного порядка, если бы, объяснив мотив последних злодеяний Щетинина-Глазкова на хуторе, не сумели бы рассказать, как они совершались.

Тогда в лесу Киреев обнаружил свежие следы, тождественные тем, что он снял раньше у хаты Губиной, на поляне за фермой и полностью совпадавшие с обувью Щетинина.

Во дворе Титоренко найдена была саперная лопатка, которой Щетинин ударил по голове Бурденко. Но что случилось с учителем, никто объяснить не мог.

Киреев улетел из райцентра, когда участковый находился в тяжелом состоянии. Шла упорная борьба врачей за его жизнь. Но эта борьба могла продлиться очень долго, а Павлу Семеновичу тогда некогда было ждать выздоровления Бурденко. Потом, когда участковому стало легче, из райотдела милиции прислали официальный протокол свидетельских показаний Бурденко. Вот что тот сообщил:

«После ужина рыболов быстро улегся спать. Стало совсем темно. Я подполз ближе. И вдруг услышал в стороне шелест травы и приглушенный свист. Потом снова наступила тишина. А через некоторое время почудилось, что зашевелился край брезента, прикрывавший вход в палатку, и одновременно что-то темное промелькнуло в воздухе.

Я выстрелил. И тут же почувствовал удар по голове. Дальше ничего не помню».

Что промелькнуло в воздухе, на что похожее?

Киреев решил сам побеседовать с участковым.

В райцентре его встретили сердечно. Начальник отдела милиции Псурцев не скрывал своего восхищения. Жена заместителя отдела милиции приготовила такие пельмени, какие не подадут в первоклассном ресторане. А в больнице молодой хирург долго жал ему руку, сам проводил в палату к Бурденко.

Там Павел Семенович встретил и учителя. Он лежал на соседней койке в полосатой пижаме с книгой в ру-

ках. Чувствовал он себя хорошо и вскоре собирался домой.

Киреев не удержался, чтобы не съязвить:

— Ну что, дорогой Владимир, верите ли вы теперь в вурдалаков?

Тот скорчил гримасу:

— В живых — да.

Устало пошутил и Бурденко.

— Не надо было отбивать невесту у этого самого вурдалака...

— А вы не смейтесь, он и вам оставил память.

— Оплошал, товарищ майор.

Участковый хотел приподняться, но Киреев велел ему лежать. Учитель деликатно выскользнул из комнаты, и они остались вдвоем.

Павел Семенович продолжал разговор:

— Неужели задремал?

— Лучше б уж во сне приснилось... А то, сколько ни думаю, ничего понять не могу.

— Расскажите мне... И о мыслях, и о том, что случилось.

— Товарищ майор, можно вас попросить приподнять подушку?

— Конечно.

Участковый лег поудобнее.

— Как вы велели, занял я наблюдательный пункт у палатки учителя. И пошло время... Может, час, а может, два... Погас костер, и такая темь, хоть глаз выколи. Вдруг почудилось, что в лесу хрустнула ветка. Потом другая. А потом все стихло...

— Погодите... А вот когда услышали хруст, вы повернули голову в ту сторону?

— А как же. Чтобы лучше слышать.

— И выпустили из поля зрения вход в палатку?

Тот не ответил.

— Скажите честно... Это очень важно...

— Виноват... Отвлек меня проклятый шорох.

— Значит, в палатку мог кто-то проникнуть?

— Но я тут же... Может, минута прошла, не более.

— Все равно. А я ведь вас просил ни на секунду не оставлять без внимания учителя... Что же дальше было?

— Тихо стало. А потом свист почудился.. В траве... Ну, почти что рядом.

— И вы опять обернулись?

— Обернулся, но тут же посмотрел назад, потому как что-то зашуршало и промелькнуло в воздухе.

— Что промелькнуло?

— Темное... как тень. Я тут же выстрелил. И оно упало.

— Это вы точно знаете?

— Точно, товарищ майор. Я даже поднялся, чтоб поглядеть. И тут меня как стукнут сзади по голове, я и свалился.

— Ну, кто стукнул вас, мы знаем... святой брат Щетинин. Но сам он в палатку до этого не мог проникнуть?

Бурденко решительно отверг это.

— Что вы, товарищ майор... Увидел бы.

— Тогда как же он ранил учителя? Разве что бросил бумеранг?.. Это — древнее оружие австралийцев, обладающее свойством возвращаться в руки к тому, кто его выпустил. Возможно, Щетинин в 1943 году удрал в Австралию, а потом возвратился. И там научился этому сложному искусству. Говорят, в полете бумеранг издает легкий свист.

— А какой он из себя?

— Бывает разных размеров. Полукруглый.

Бурденко обрадовался:

— Точно, полукруглый... как крыло.

Они еще немного побеседовали, Киреев поднялся:

— Ну ладно, товарищ Бурденко, желаю вам скорейшего выздоровления.

— Спасибо...

В коридоре он распрощался с учителем. Вид у Сидоренко был грустный. Очень хотелось спросить о Клаве, но воздержался. Да и подошел молодой врач, который пригласил Павла Семеновича к себе в ординаторскую.

Стояла середина июля, но такой жары, как в Волгограде, не чувствовалось. Занимался вечер, и в раскрытую форточку несло сквозняком.

Уселись на диване, как старые друзья.

— А у нас есть новости для вас, — сказал врач. — На среднем пальце правой ноги учителя удалось обнаружить следы вурдалака.

— Какие следы?

— С помощью увеличительного стекла мы увидели ниже подушечки пальца, как раз на сгибе булавочное повреждение кожного покрова.

— И неужели это явилось причиной обильного кровотечения?

— В том-то и штука, что да. При ранении в организм вводился какой-то состав, врачам абсолютно не известный, который не давал возможности свертываться крови. Теперь понятно, почему сторож фермы был доставлен в больницу в таком тяжелом состоянии, от потери крови погибли собака и теленок... Но каким образом действовал ваш вурдалак и для чего — не могу сказать.

— Ну, на последнее ответить нетрудно. Делалось это для того, чтобы навести страх на хуторян. Ведь ночью Заозерное казалось вымершим, никто не решался выйти на улицу. Копай, ищи себе, сколько хочешь, никто не увидит. Щетинин, как огня, боялся встреч с односельчанами, ведь могли его узнать. Вот он и решил работать под вурдалака. Что касается учителя, то ранение его вызвано местью!

— За что?

— Его полюбила Клава Титоренко, дочь квартирной хозяйки, где прятался Щетинин.

— Я знаю ее.

— А на девушку он сам имел виды.

— Мерзавец.

— Кстати, скажите, доктор, она навещает учителя?

— С ней беда... После пережитого у девушки острое психическое расстройство: никого не узнает, все время плачет. Боюсь, что с ней может быть, как и с ее дедом.

— Она в больнице?

— Да... Только не у нас, ее отвезли в психиатрическую лечебницу.

Киреев тяжело вздохнул:

— Неужели нет никакой надежды?

— Вся медицина — это надежда... Будем верить в лучшее.

Павел Семенович хотел подняться, но его остановил врач.

— Извините за любопытство, но как вам удалось

найти гестаповца? Конечно, если это не секрет.

Следователь помедлил с ответом, потом спросил:

— В абстрактном искусстве вы разбираетесь?

— Смутно. Но при чем тут оно?

— Если сказать примитивно, абстракционисты считают, что надо рисовать не то, что видишь, а то, что подразумеваешь. Скажем, вы приходите в кафе, где сидит ваш знакомый. Как его найти? Смотришь: это не он, ага — это он. Так вот, если нарисовать все, что «не он», и получится ваш знакомый. Конечно, чушь собачья. Ищешь то, чего не знаешь. Когда я увидел неизвестное лицо в окне, а потом следы, Бурденко обошел весь хутор, все дома, побывал в полеводческой бригаде и установил, что следы не принадлежат ни одному из живущих на хуторе. Значит, есть человек, нам не известный, который прячется. Вот его и следовало найти.

— Но зачем он заглядывал к вам в окно? — воскликнул Мельников.

— В день приезда на хутор я побывал на квартире Клавиной матери. Щетинин слышал наш разговор с этой старой святошей... Он знал, что я приезжий, и ночью, отправившись на поиски, захотел удостовериться, сплю ли я. Он ничем не рисковал: если бы, на худой конец, мы и встретились, он бы сказал, что хотел узнать, дома ли моя хозяйка, Антонина Васильевна, хотя отлично знал, что она на ферме. Неосторожно поступил я — выскочил на улицу, как оглашенный. Вот это его насторожило, и он уже не каждую ночь копал. Вторая моя ошибка — я поверил в вашу версию о сумасшедшем.

Врач смутился:

— Честное слово, я так думал.

— Проверил. Выяснилось, что не старый Титоренко. Тогда кто? А тут я стал невольным свидетелем одного сердечного увлечения...

Киреев вздохнул, потянулся за папиросой.

— Но между молодыми людьми встала вера. Вы знаете, о ком я говорю?

Врач кивнул головой.

— Однажды я услышал, как девушке угрожали страшной карой, если она не поступит так, как от нее требовали. Чего именно требовали, я еще не знал.

Только потом догадался: выйти замуж за другого. А когда выяснилось, что за учителем следят, я обнаружил знакомые следы в лесу, возле места, где любящие тайно встречались, стало ясно, что следит тот неизвестный.

А на другой день Клава исчезла. Мать заявила, что дочь, дескать, уехала погостить к сестре в Армавир. Но у меня были основания этому не поверить. Дальнейшие события развивались быстро. Утром Антонина Васильевна обнаружила за фермой незасыпанную яму, как раз в том месте, где упорно копали. Я внимательно осмотрел ее и тогда же подумал, что в ней что-то нашли. В тот же день колхозный шофер сообщил, что на рассвете мать девушки собирается в дорогу. Вот тогда пришла пора срочно действовать... Остальное, я полагаю, вам известно.

— Да... Много золота нашли?

Несмотря на скверное настроение, Киреев ответил шуткой:

— Точную справку даст государственный банк. Но полагаю, что немало, — и быстро распрощался.

Возвратившись в Волгоград, Павел Семенович решил пойти по другому пути, по следам Щетинина после его бегства из хутора при приближении наших войск. Что он делал? Чем занимался? Может быть, тут удастся найти ответ.

Этот путь оказался задачей чертовски трудной. Щетинин петлял, как заяц, стараясь замести следы. Где он только не побывал за эти годы, кем только не работал. Три месяца Киреев пересаживался с самолета на самолет, летал в Прибалтику, Казахстан, в Среднюю Азию, идя по его следам. Павел Семенович изучал архивы, встречался с многочисленными людьми, шаг за шагом восстанавливая послевоенную биографию предателя. К слову сказать, Щетинин все эти годы вел себя тише воды, ниже травы, и, выдавая себя за участника Отечественной войны, он, однако, не претендовал на многое. Его вполне устраивали должности охранника пожарно-сторожевой охраны Балхашского медеплавильного завода, рабочего сибирской базы лесосплава, кладовщика хлопководческого совхоза в Голодной степи, проводника Ташкентской железной дороги, служителя передвижного зверинца, сторожа Фрун-

зенского элеватора. Свое передвижение Щетинин объяснял неустроенностью быта, отсутствием квартиры.

По истечении времени Щетинину показалось, что пришла пора для осуществления главной цели: достать зарытые на хуторе ценности, награбленные у советских людей при гитлеровцах. Но грабил он с напарником, таким же мерзавцем и фашистским прихвостнем, как и он, убитым при отступлении немцев. Щетинин точно не знал, где спрятал его подручный коробку с золотыми вещами. Значит, предстояли опасные поиски на хуторе, где его мог каждый узнать.

И тогда созрел дьявольский план. Восстановив свои прерванные связи с сектантами, он ночью, тайком явился к Титоренко как святой брат, преследуемый за свои убеждения.

Оставалось неизвестным, как ему удавалось вызывать кровотечение, не оставляя на теле следов?

...Дождь перестал. Но по стеклу скатывались запоздалые хрустальные бусинки.

Телефонный звонок заставил Павла Семеновича возвратиться к столу. Дежурный по управлению сообщил, что по приглашению следователя явился гражданин Белов.

— Пожалуйста, проводите ко мне.

Теперь следователь сам набрал номер:

— Андрей Иванович! Докладывает Киреев... Белов приехал... Разрешите подняться к вам?

— Не нужно... Я сам зайду.

В дверь постучали.

— Пожалуйста, входите.

В комнату вошел спортивного вида мужчина в тёмно-синем плаще и велюровой шляпе. На заостренном коричневом от загара лице — большие роговые очки. В левой руке квадратная коробка.

— Здравствуйте, Иван Васильевич. Очень рад вас видеть. Извините, что не встретил.

— Помилуйте... я же не балерина.

Киреев помог гостю раздеться.

— Как вас устроили?

— Отлично. Я только сошел с самолета, ваши товарищи подхватили меня... Город изумительный, отличная гостиница. Вот... привез то, что просили.

— Большое спасибо, — Киреев поставил коробку

на стол, взял телефонную трубку: — Майор Киреев... Доставьте ко мне арестованного Щетинина. — Опустив на рычаг трубку, Павел Семенович приподнял крышку коробки, заглянул внутрь. — О! Отлично! Это, вы знаете, впечатляет... Мы поставим вот сюда, в тень, а когда нужно будет, осветим. А вас попрошу сесть вот сюда...

Гость опустился в мягкое кожаное кресло сбоку стола, поправил очки.

— Ради святых, скажите, что я должен делать?

— Прежде всего, никаких эмоций...

Мужчина рассмеялся:

— Трудно, но постараюсь... Значит, сижу здесь, а дальше?

— Читайте себе газету... Вот, пожалуйста, возьмите любую... Важно, чтобы он лицо ваше не видел... А уж потом, когда я обращусь к вам, откровенно вступайте в разговор.

— Так... Все понял...

Вошел комиссар. Он в милицейской форме, с планкой орденов. Киреев:

— Андрей Иванович, прошу познакомиться... Иван Васильевич Белов.

Комиссар задержал руку Белова в своей:

— Очень рад, Павел Семенович дал мне вашу книгу... Прочел с огромным интересом.

— Спасибо за доброе слово.

— Такой молодой и уже весь свет объездил... Даже позавидуешь.

— Ну нет, я не так уж и молод.

В дверь постучали. Прежде чем ее открыть, Киреев обратился к комиссару:

— Андрей Иванович, разрешите приступить к допросу.

— Да, конечно.

Павел Семенович потушил верхний свет, зажег настольную лампу под круглым стеклянным абажуром. Громко приказал:

— Введите арестованного.

Молодой конвоир впустил Щетинина и тут же удалился.

— Садитесь, Щетинин, — показал Киреев на стул.— Ну что, будете давать показания?

Щетинин не ответил.

Тогда Киреев проговорил насмешливо:

— Честно говоря, нам ваши показания так же нужны, как щуке зонтик. Дело передаем в суд, так что скоро за все придется держать ответ. Примет ли суд во внимание чистосердечное признание или нет — я не знаю. Просто даю вам возможность во всем сознаться.

Арестованный насторожился. Чуть приподнял голову. Узкие глазки уставились на Киреева. Следователь резко спросил:

— Где вы достали паспорт Глазкова?

— Взял у убитого.

— Зверски убитого гитлеровцами в Заозерном?

— Да...

— Предусмотрительным оказались... А почему не удрали в Германию со своими хозяевами?

— Не сумел.

— Ясно. Тогда, может быть, расскажете, как вам удавалось вызывать кровотечение?

— Это не я...

— Не лгите, Щетинин. Скажите, вы работали в Средне-Азиатском передвижном зверинце?

Щетинин ничего не ответил. Только тяжело передвинулся на стуле.

Киреев повторил:

— Работали или не работали?

Снова молчание. Киреев поднялся с места, достал из раскрытой папки листок, подал заключенному:

— Ну хорошо... А это вам знакомо? Выписка из приказа по передвижному зверинцу о вынесении строгого выговора уходчику Глазкову Александру Борисовичу за халатную службу. Это вы получили взыскание или не вы?

Снова — молчание. Потом арестованный словно выдавил из себя:

— Я...

— Непростительную ошибку совершили, Щетинин. Ведь этот приказ и навел меня на след... Не верите, а, между тем, это так. Я просмотрел ваши личные дела, узнал где работали после войны. Нигде никаких замечаний, а тут выговор, да еще строгий. Прямо, не поверил. Даже подумал, что зря обидели. Так или нет?

Щетинин сидел, вытянувшись, как аршин. Почти беззвучно подтвердил:

— Так...

— Что так? Справедливо или несправедливо наказали вас?

— Справедливо.

— Запишем, что справедливо... Значит, вы были виноваты в том, что оставили открытой во время кормежки клетку и сами на несколько минут отлучились, как вы потом объяснили, за водой.

— Отлучился... Забыл ведро в служебном помещении.

— Понятно. И этого времени было достаточно, чтобы птица, находившаяся в клетке, выпорхнула и улетела... Что это была за птица?

— Птица и птица... Там их много разных было, разве упомнишь...

— Может быть, эта?

Деловито Киреев поднял верхнюю часть коробки. На дне ее, среди искусно сделанной зелени стояла маленькая темная пичужка, чуть больше воробья, только крылья с перепонками, как у летучих мышей.

— Взгляните сюда, Щетинин... Узнаете?

Щетинин машинально посмотрел, вздрогнул.

— Вот такая птица вылетела из клетки, которую вы почему-то забыли закрыть?

— Может, и такая... Я не интересовался.

— Не интересовались... Так ли это? Вы Ивана Васильевича Белова знаете?

— Белова? Нет.

— А вы вспомните... Молодой такой, энергичный профессор-зоолог, научный консультант зверинца.

— Приходили разные... За день сотни людей перебывает, разве упомнишь?

— Ну что вы, Щетинин! Вы ведь с ним столько раз беседовали, ему даже нравилась ваша любознательность.

— Не знаю.

— Иван Васильевич, видите, отказывается от вас.

Гость опустил газету:

— Как же так, товарищ Глазков?

Киреев вежливо, но решительно поправил:

— Не товарищ, а гражданин... И не Глазков, настоящая фамилия его Щетинин.

— Простите...

— Ничего, ничего... Ну что, Щетинин? И дальше будете отказываться или, наконец, начнете говорить правду?

Комиссар поморщился:

— От него правды дождаться... Иван Васильевич, напомните арестованному, что это за птица.

— Да он сам отлично знает... Мы столько раз с ним беседовали, и он так интересовался ею... И не мудрено... Птица уникальная: я привез три экземпляра из тропических лесов Южной Америки, где провел четыре года. Две погибли, а Ванда, так мы ее называли, хорошо акклиматизировалась и стала почти ручной.

Андрей Иванович слушал с интересом. Он даже надел очки, чтобы лучше разглядеть чучело птицы.

— Продолжайте, пожалуйста...

— Еще Христофор Колумб, возвратясь из путешествия к берегам Южной Америки, впервые рассказал о похожих на летучих мышей крылатых тварях, которые питаются кровью спящих людей...

У многих народов существует поверье о кровожадных привидениях — вампирах, у нас их называют вурдалаками, поэтому ученые не только во времена Колумба, но и в начале двадцатого века скептически относились к возможности существования подобных тварей. Да и в наши дни эти летучие мыши-кровососы — загадка для многих, хотя уже накопилась интересная литература о них. Укажу на книгу известного американского зоолога Кеннета Винтона «Джунгли шепчут», изданную в 1958 году. Она оказала мне огромную помощь во время путешествия в бассейне Амазонки... Видите, на вид безобидная птичка. Но питается она только кровью живых существ. Другой пищи не признает.

— Простите, Иван Васильевич, — сказал Киреев,— что я вас перебиваю... Знал ли обо всем арестованный Щетинин?

— Как он мог не знать, если на клетке висел подробный рассказ о ней, и это вызывало особенный интерес посетителей к кровососу. Да и я сам ему не раз об этом рассказывал...

Павел Семенович повернулся к Щетинину:

— Так знали вы или не знали?

— Знал.

— Вот так-то лучше... Пожалуйста, продолжайте, Иван Васильевич.

— Найти себе добычу для кровососа непростое дело. Какое животное будет стоять не шелохнувшись и безропотно ждать, когда изголодавшаяся тварь завершит над ним кровавую расправу? Поэтому чаще всего кровосос нападает на спящих животных: собак, свиней, лошадей, крупный и мелкий рогатый скот...

Белов подошел к чучелу, стал показывать.

— Вот тут находятся передние резцы, необычно острые. Ими кровосос прокусывает кожу животного или человека. Наиболее уязвимое место у спящего человека — подушечки на пальцах ног. Кровосос прокусывает маленький, подчас совершенно незаметный кончик подушечки и слизывает теплую кровь, вытекающую из ранки... И хотя, чтобы насытиться, ему необходимо сравнительно немного — от 150 до 300 граммов крови — страшен он другим. В слюне этого хищника имеется вещество, которое мешает крови свертываться, поэтому, если не оказать своевременно помощь и не прекратить кровотечение, даже сквозь малюсенькую ранку вытекает очень много крови. От потери ее животное или человек впадает в беспамятство, а затем погибает. Во время нашего путешествия член экспедиции местный житель, не принявший должных мер защиты, стал жертвой кровососа... И еще одна особенность... Вещество, о котором я говорил, обладает анестезирующим свойством, делая укус маленького хищника безболезненным... Я не слишком подробно?

Андрей Иванович искренне запротестовал:

— О нет, профессор, все это очень важно, потому что объясняет кровавые события на хуторе Заозерном.

— Вы сами понимаете, как тяжело переживалась всеми научными сотрудниками потеря Ванды. Какие только меры не были приняты для ее поимки, но безрезультатно. Мы считали, что она погибла.

Комиссар укоризненно заметил:

— Жаль, что вы своевременно не обратились к работникам милиции. Думаю, что они помогли бы вам и нашли бы вора.

— Нам и в голову не приходило.

Щетинин поспешно воскликнул:

— Я ее не брал!

Андрей Иванович не смог не съязвить:

— Истинно по пословице: на воре шапка горит... Вас никто еще в этом не обвинял, а вы уже оправдываетесь. Там, в зверинце, у вас созрел дьявольский план... Нужно отдать вам должное, вы оказались незаурядным дрессировщиком и научили кровососа вылетать на охоту и по свисту возвращаться к вам.

Профессор разволновался, подскочил к Щетинину:

— Послушайте... Вы... Где Ванда? Ради науки, скажите...

Как окрик, прозвучал голос следователя:

— Арестованный, отвечайте!

Тот вздрогнул:

— Нет ее... Погибла... Ее застрелили... Там в лесу.

— К сожалению, профессор, это правда, — подтвердил Киреев.

— А ну, говорите, куда вы девали труп кровососа?

— В озеро выбросил.

— Чтобы скрыть следы преступления... Теперь все стало на место. Вот протокол. Подпишите. Можете прочесть.

— Не надо...

Щетинин долго выводил каракулями свою фамилию.

— Товарищ комиссар, можно увести арестованного?

— Да.

Киреев подошел к двери, открыл ее:

— Заберите арестованного...

Когда Щетинина увели, Киреев обратился к Белову:

— Иван Васильевич, ничего не поделаешь, формальность, прошу и вас подписать показания.

— Пожалуйста.

— И еще одна просьба. Чучело кровососа оставить до суда. Потом мы возвратим в целости и сохранности.

— То, что возвратите — верю, но в целости ли — сомневаюсь. За ним нужно уметь ухаживать... А оно для меня дорого... Как память... Когда понадобится, я лучше пришлю или привезу.

Андрей Иванович согласился:

— Хорошо, профессор. Большое вам спасибо за помощь... А сейчас прошу ко мне. Жена будет счастлива с вами познакомиться. Павел Семенович, и вы с нами...

Не в службу, а в дружбу, вызовите машину и спускайтесь. А я на минутку поднимусь к себе.

Когда они остались вдвоем, профессор сказал Кирееву:

— Какой симпатичный у вас комиссар.

Павел Семенович ответил с улыбкой:

— А в милиции — все симпатичные... Вот работа, профессор, не совсем симпатичная. Но ничего не поделаешь, нечисти еще много.

Разговаривая, он аккуратно сложил бумаги, спрятал в несгораемый ящик. Только тогда сказал:

— Прошу вас, профессор.

Когда тот оделся, Киреев потушил электрический свет и вслед за Беловым вышел в коридор.

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Михайлович Шейнин

ИДУ НА ПОМОЩЬ

Редактор **А. И. Красильников**
Художник **В. М. Алексеев**
Худож. редактор **Б. К. Сивец**
Техн. редактор **С. И. Ижболдина**
Корректор **Р. Я. Корнеева**

НМ 00068. Сдано в набор 16/VI-1966 г.
Подписано к печати 24/IX-1966 г.
Бумага тип. № 2. Формат 84×108 1/32. Печ. л. физ. 4.
Печ. л. усл. 6,72. Уч.-изд. л. 6,73. Авт. л. 6,63.
Тир. 30 000. Заказ 6893. Цена 35 к.
Темплан 1966 г. № 37.

Нижне-Волжское книжное издательство,
Волгоград, ул. КИМ, 6.
Типография издательства газеты
«Волгоградская правда».
Волгоград, Привокзальная площадь.